

Обществознание большинства

3.

*Ракитский
Борис Васильевич*

ПРАКТИЦИЗМ И УТОПИЗМ ТЕЙЛОРИЗМА (место идеологии и практики тейлоризма в развитии общественной организации труда)

МОТИВИРОВКА

Размышлять и писать о тейлоризме через сто с лишним лет после его появления и его “пика популярности”, несомненно, гораздо проще и спокойнее, чем его современникам. Но в определённой мере и ответственнее.

Для современника панорама идейной борьбы в значительной мере совпадает с ситуативной (конкретно-исторической) расстановкой социальных сил, с контуром “теперешнего” борения их интересов. Современник ищет и даёт оперативные оценки, вырабатывает актуальные ответы на возникшую угрозу. Даже если этот современник - несомненный стратег классовой борьбы, всё равно тактический, злободневный аспект оказывается приоритетным.

Для теоретика, относящегося к реальной истории как к колыбели идей и тенденций, как к пройденной части их (идей и тенденций) исторической судьбы, центр внимания смещается с тактики борьбы на стратегию борьбы. Борьбы и идеологической, и практической, но неизбежно классовой. Идеи и тенденции, возникнув в прошлом, проходят через прошлое и настоящее и устремляются в будущее.

Вот и тейлоризм - это не прошлое, не только прошлое. Оформившись идейно и укоренившись в практике, он стал идеологическим фактором, идеологической составляющей процесса, который длится, - процесса эксплуатации труда. После тейлоризма гремели фанфары и возглашались проклятья в адрес фордизма, тойотизма, других систем организации труда и производства. Вроде бы, к чему

теперь вспоминать о тейлоризме? Не прощается тому, “кто старое помянет”, но вдвойне - тому, кто забудет. Будущее по своей сути - это всегда воскресающее прошлое, просто не все и не всегда распознают под новыми обликами уже являвшуюся в прошлом суть.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ТЕЙЛОРИЗМА

Тейлоризм - яркая ступень в накоплении культуры труда. Тот факт, что трудовая практика веками протекает для большинства населения под гнётом эксплуатации, под игом частной собственности и корысти эксплуататорских классов и сословий, не делает эту практику чужой для нас, трудящихся и эксплуатируемых. Это *наша* история труда, *наша* история накопления трудовых навыков, знаний, опыта. И тейлоризм - тоже часть *нашей* многовековой трудовой биографии.

Новая эра социально-трудовой культуры наступила в результате промышленной революции (промышленного переворота). Её начало - последняя треть 18 века, её бурный ход - весь 19 век. Машинное производство вместо кустарного, фабрика - вместо мануфактуры, наконец, как апофеоз - производство машин машинами.

Что происходило в это время с работником? Куда делись кустари? Осталось ли поприще для искусных ремесленников? И вообще - сменилась ли типичная массовая фигура работника? Какой была она до фабричной эры, какой стала на фабриках? В русском языке эта перемена отразилась понятием “фабричные” - так называли работающих на фабриках. В европейских языках возобновилось слово “пролетарии” (без малейшего положительного оттенка), но параллельно установились более справедливые и научно точные понятия - рабочие, рабочий класс. Рабочие - соответствующая именно машинному производству, машинной фабрике социальная фигура работника.

В первом томе “Капитала” (главы 11, 12 и 13) Карл Маркс обобщил исторический материал и выявил логику рождения машинного производства в процессе усиливающейся кооперации всё глубже и глубже разделяющегося (и разделяемого) труда. Параллельно с

рождением машинного производства он проследил закономерность возникновения нового типа работника - живого придатка машины. Рабочий - придаток машины. Рабочий класс - класс придатков машин, класс обслуживающих функционирование машинного производства.

К.Марксу принадлежит учение о реальном подчинении труда капиталу, подчеркивающее особенность социализации труда (включения труда рабочего в общественный труд) в индустриальную эпоху. Социализация (приращение индивидуального труда к общественному) происходит через включение в машинное производство (а шире - в пространство общественно организованного труда, в котором машинное производство доминирует и определяет общественно нормальные параметры социально-трудовых процессов).

Анализ К.Маркса охватил исторический материал вплоть до середины 19 в. (первый том "Капитала" вышел в 1867 г.). Последующая практика капиталистического производства дала новый материал для продолжения анализа по методологии К.Маркса. Жаль, что марксистское обществоведение не проделало нового анализа с той же глубиной и широтой обобщений. Немарксистским школам подобного рода анализ заведомо непосилен, ибо присущие им методологии не достигают целостного видения общества и процессов его развития.

Именно по этой причине множество новых мер капитала по рационализации труда и производства остались не изученными в должной степени со стороны их общей логики и тем самым со стороны их вклада (факторного влияния) в магистральное развитие капиталистической организации труда и производства. Со второй половины 20 века, когда факторы постиндустриализма и глобализации капитализма выдвинулись на решающие роли, отставание в научных исследованиях труда и социально-трудовых отношений стало прямо-таки осязаемым. Какая новая социальная фигура работника приходит на смену рабочему и становится доминирующей в социально-трудовых

процессах и во взаимоотношениях с капиталом? Словесная болтовня о постиндустриализме не приближает к ответу на этот вопрос, а только отдаляет от него. Уж не **“пострабочий”** ли становится такой социальной фигурой? Наука, обслуживающая борьбу трудящихся и эксплуатируемых с системой эксплуатации, не вправе позволять себе подобный детский лепет. Серьёзные исследования труда в современном капиталистическом производстве есть.¹ Но их, во-первых, мало. А, во-вторых, ни каждое из них в отдельности, ни все они вместе не поставили пока что исследование закономерностей современного труда на уровень, некогда достигнутый К.Марксом и Ф.Энгельсом.

Демократическое рабочее движение всё никак не может в нашей новой России взять массовый старт. Но если препятствующие этому факторы будут преодолены, такому движению потребуются серьёзное идейно-теоретическое оснащение. Настолько серьёзное, что социально-трудовая наука должна будет достигнуть вершин и глубин, сопоставимых с Марксовой методологией и превосходящих её. Задача эта потребует шаг за шагом сполна проделать ту исследовательско-осмыслительную работу, которая не в полной мере проделана в последние 130-140 лет.

Одним из первых шагов будет при этом изучение и осмысление тейлоризма. Именно разработки и идеи

---

¹ Считаю необходимым отдать должное трудам Н.А.Климова и М.В.Грачёва, много сделавшим для изучения современного капиталистического труда и производства еще в 1970-е и 1980-е годы в традициях марксистской методологии, а не в манере трансляции по-русски писаний о труде западных учёных, чужающихся марксистской методологии. (См., например, Управление процессом нововведений в капиталистической фирме. Авт. колл. Климов Н.А., Грачёв М.В. и др. - М.: ИМЭМО, 1985; М.В.Грачёв Управление трудом (Теория и практика капиталистического хозяйствования). - М.: Наука. 1990. В зарубежной западной литературе высокие оценки даются работе Г.Бравермана “Труд и монополистический капитал” (его называют американским марксистом). Но, сознаюсь, я с этой книгой не знаком.

Тейлора исторически предшествовали многим последующим инновациям капитала в сфере организации труда и производства. Тейлор активно действовал, начиная с 1880-х годов. Фронт его разработок и разработок его сотрудников и последователей был значителен, а круг идей (философия, по его собственному выражению) компактен, систематизирован и весьма содержателен. Простые на вид, они далекоидущи, имеют свойство вплестаться в иные идейные системы однородного с ними классового типа, а потому - живучи.

Мы, кстати сказать, должны быть очень признательны Ф.У.Тейлору за то, что он с предельной ясностью описал свою систему и свой строй мыслей о ней. Это вам не современные американские нобелевские лауреаты по экономике (Дуглас Норт, например), внушающие публике уважение методом запутанных и крайне расплывчатых рассуждений о том, о чём другие написали давно и понятно. Ф.У.Тейлор не таков. Он не просто ясно излагает суть предмета, он прямо-таки разжёвывает свою философию. Тут не надо ни о чём догадываться, тут надо определяться: брать тейлоризм на вооружение или нет, что в нём ценить и что отрицать.

Тейлоризм и сегодня состоит на идейном вооружении капитала, а значит, заслуживает тщательного изучения и поддержания знаний о нём в актуальном (действенном) виде.

ПРИНЦИПАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕЙЛОРИЗМА

Тейлоризм - дитя (порождение) эксплуататорской системы на индустриальной стадии её развития. Пространство исторической востребованности тейлоризма находится одновременно не менее чем в двух измерениях. Одно измерение исторической востребованности - собственно машинная (фабричная, индустриальная) эпоха. Другое - эра эксплуатации труда, то есть и постиндустриальная эпоха эксплуатации труда. В этом, втором измерении тейлоризм есть звено многовековой трансформации эксплуататорской культуры древних сверхжестоких разбойников и рабовладельцев в суперкультуру самых последних (будем надеяться!)

эксплуататоров земной цивилизации.

По моей оценке, наиболее полное и действительно научно глубокое распознавание природы тейлоризма возможно только на основе целостного обществоведческого подхода, порождённого в XIX веке К.Марксом и Ф.Энгельсом и фактически почти утраченного в XX веке.² Именно этим, на мой взгляд, можно объяснить, почему глубокие и ёмкие суждения о природе тейлоризма находим не в буржуазной научной литературе, а в произведениях идеологов, теоретиков или руководителей демократического рабочего движения. В частности, Антонио Грамши дал на редкость содержательную и строгую принципиальную характеристику тейлоризма:

“Тейлор действительно выразил с жесточайшим цинизмом цель американского общества: развить в трудящемся до максимальной степени машинные и автоматические навыки, разбить старый психофизический комплекс квалифицированного, профессионального труда, требовавшего известного активного участия ума, фантазии, инициативы трудящегося, и свести все производственные операции только к их физическому машинному аспекту. В действительности же здесь нет никаких оригинальных новшеств, речь идет лишь о самой новейшей фазе длительного процесса, начавшегося с самим рождением индустриализма, - фазе, отличающейся от предыдущих большой интенсивностью и проявляющейся в более грубых формах; эта фаза также будет преодолена вместе с созданием нового психофизического комплекса, отличного

---

² В СССР в 60-70-е годы, правда, возобновилась научная школа, основанная на методологии целостного обществоведческого подхода. Можно указать, пожалуй, десятки исследовательских публикаций, в которых этот метод научно применён. Самое свежее изложение сути целостного обществоведческого подхода см. в монографии Г.Я.Ракитской “Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)” М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. С. 30-40. См. также Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998.

от предшествовавших типов и. несомненно, *высшего* по отношению к ним. Будет неизбежен насильственный отбор: какая-то часть старого трудящегося класса будет безжалостно вытеснена из трудовой сферы, а может быть, и вообще вычеркнута из жизни”.³

Обратите внимание, что А.Грамши дал определение природы тейлоризма, что называется, в актуальном историческом целостном контексте. Только так и может быть найдена глубокая и научно строгая оценка природы любого значительного общественного явления. Например, рассмотрение тейлоризма вне исторического контекста сразу делает его оценку крайне выхолощенной, абстрагированной (оторванной) от того, что придавало и продолжает придавать тейлоризму импульс, мотив, жизненный смысл, социальную укоренённость, исторически реальные классовые симпатии и классовые антипатии.

А.Грамши употребляет понятие “психофизический комплекс профессионального труда”. Такое понятие весьма пригодно для научного рассмотрения комплекса социально-трудовых вопросов. Особенно если внимательно следить за тем, чтобы в содержании этого понятия всегда сохранялись два момента:

первый - понимание того, что прогресс труда и производства неизбежно связан с эволюцией и революциями психофизического комплекса (облика, типа) труда, и

второй - решительный отказ от восприятия фактически свершившейся и свершающейся эволюции психофизических типов труда как бывших естественно безальтернативными и будто бы и впредь являющихся безальтернативными.

Со вторым из указанных моментов напрямую связаны выявление и оценка эксплуататорской ипостаси тейлоризма. В.И.Ленин, несомненно, был прав (не абстрактно прав, а в том смысле, что выверенно точно, *правильно* отражал интересы трудящихся и эксплуатируемых), когда писал: “...Система Тейлора, - как и все

---

³ *Антонио Грамши. Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. Стр. 438-439. - М.: Изд. иностранной литературы. 1959.*

прогрессы капитализма, - соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших

научных завоеваний в деле анализа механических движения при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.”.

Эксплуататорская ипостась тейлоризма, как будет показано, содержит в себе ген такого подхода к “человеческому материалу”, который **качественно** продвигает антигуманные претензии эксплуататорской системы и переводит социальные риски эксплуататорской организации труда в новую плоскость – в плоскость принуждения к варианту развития, односторонне избранному капиталом.

ПОТРЕБНОСТЬ ВРЕМЕНИ, НА КОТОРУЮ ОТВЕТИЛ ТЕЙЛОРИЗМ

Тейлорова система действительно научна, действительно система добывания и применения необходимейших для работы экспериментальных научных знаний. Ф.У.Тейлор - великий экспериментатор⁴ в области

---

⁴ Громадный масштаб Тейлора-экспериментатора подтверждается его трепетным отношением к теоретическому, концептуальному знанию. Когда читаешь у Тейлора, например, вот такое:

“Следует также ясно отдавать себе отчет в том, что эти результаты получаются отнюдь не в силу решительного превосходства механизма одного типа управления над механизмом другого, но в силу замены одной системы основных принципов совершенно другой их системой — в силу замены определенной философии управления промышленным предприятием совершенно отличной его философией”.

то вспоминаешь ставшее общим местом высказывание великого физика-экспериментатора Л. Больцмана “Нет ничего более практического, чем хорошая теория”.

Очень похоже, что только великие добытчики научного экспериментального знания могут быть ценителями и заступниками за философию и теорию.

непосредственных процессов труда.

Можно считать Ф.У.Тейлора гением или великим злодеем, но факт есть факт: он выносил и стал осуществлять “сумасшедшую” идею. Этому можно подивиться, порадоваться или подосадовать. Но что надо досконально исследовать - так это **потребность времени**, ответом на которую стал тейлоризм. Проблема такова: в силу каких исторически закономерных обстоятельств опыты Тейлора превратились в тейлоризм как в общественно значимый процесс и течение мысли?

По моему пониманию, потребность времени, как и любая потребность, есть реальная связанность развивающегося общества (и человека этого общества) с исторически конкретными условиями как существования, так и развития. Динамика общества диалектична: существование воспроизводится в режиме развития, притом развития сознательного, целеположенного обществом. Однако наличные условия существования соответствуют общественному целеполаганию разве что в качестве предпосылок, **допускающих, но отнюдь не обеспечивающих** развитие. Потребность времени отражает вектор (направленность) и реальный масштаб ближайшего шага в развитии. Потребность времени - это квант будущего, который завтра **может стать** настоящим, а послезавтра - прошлым. Потребность времени - это порция возможности, превращающаяся из абстрактной в реальную. Конечно же, потребность времени - реалия сугубо конкретно-историческая.

Потребность времени, призвавшая для своего воплощения в жизнь великого Ф.У.Тейлора, была порождена несуразной разницей в скоростях действия разных видов разделённого труда, скооперированных в масштабах общественного производства индустриальным (машинно-фабричным) укладом. Машины уже производились машинами, наращивая **возможные** скорости обработки сырья и материалов, транспортные средства **были способны** непрерывно перевозить по специально проложенным дорогам несметное количество грузов любых габаритов, а по заводским дворам бродили

артели с лопатами и корячились грузчики, перенося и перевозя вручную разные тяжести.

С точки зрения скорости и точности осуществления операций машина превратилась и в лидера, и в правофлангового. Как вынудить весь массив индустриально организованного труда поспевать за машинной скоростью и за машинной точностью - вот проблема того времени, выражающая потребность и социальный заказ капитала того времени. Эту сторону дела так отразил в работе «Наши задачи» (1921 г.) русский революционер, рабочий и учёный-рационализатор труда Алексей Капитонович Гастев (1882-1941):

“Совершеннейший машинизм, завершаемый автоматизмом, со все растущей нормализацией величин и форм обрабатываемых изделий, инструментов, скоростей постепенно привёл к такому положению, что “слишком человеческая” жестикуляция живого работника оказалась небольшим оазисом в скованной раме рассчитанного машинного движения. Методология машинной работы с ее аналитизмом, учетом малых величин, нормировкой неминуемо должна была ворваться в живой труд работника. И если бы не родился Тэйлор с его хронометражем и разложением на элементы, - его надо было бы родить “по заказу”⁵.

Роль машинизации в рационализации труда отмечена верно. Но этого недостаточно для полного ответа на вопрос о потребности времени, вызвавшей к жизни тейлоризм.

Добавить надо бы вот что.

Труд разделился на работу при машине и механизме и ручной (обычно подсобный) труд. На фоне такого разделения труд прежнего ремесленника казался целостным и благородным, хотя и не очень производительным. Частичность (и в этом смысле ущербность, разрушенность) работника волновала скорее гуманно настроенную часть общественности, нежели капитал, пока капитал не ощутил явного сопротивления со

---

⁵ Гастев А.К. *Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда*. Изд. 2-е. - М.: “Экономика”. 1972. С.27.

стороны трудящейся массы. Это сопротивление выразилось в культуре классового саботажа капиталистической организации индустриального труда (но подробнее об этом чуть

ниже).

Потребность времени как потребность капиталистической организации индустриального труда в великом рационализаторе Тейлоре и в его детище - тейлоризме - сформирована, таким образом, тремя исторически конкретными обстоятельствами:

1. Превращением основного массива общественно организованного труда в индустриальный (механизированный) труд наёмных частичных рабочих.

2. Неравномерностью развития частей (сегментов, профессий) разделённого частичного труда.

3. Возникновением в среде наёмных эксплуатируемых трудящихся культуры классового сопротивления капиталистической организации индустриального труда.

Чуткость и зоркость Ф.У.Тейлора как исследователя и добытчика экспериментального научного знания проявилась в том, что он запеленговал и обозначил потребность времени во всех её существенных ипостасях. Вспомним его блистательные по прямоте обозначения требований, предъявляемых производственной функцией к качеству работника или работницы.⁶ Вспомним

---

⁶ *“Одним из первых качеств, требующихся от человека, годного для переноски чугунных болванок в виде постоянной профессии, является такая тупость и флегматичность, которая делала бы его похожим по характеру, скорее всего, на вола. Человек с живым и острым умом по этой самой причине совершенно не годится для такого рода труда: он покажется ему ужасающе однообразным” (с.43). “Очень немного существует людей, способных смотреть больше, чем на неделю или, быть может, в крайнем случае, на месяц вперед и работать изо всех сил в ожидании награды, которую они имеют право получить к концу этого срока.*

Средний рабочий должен иметь возможность немедленно учесть результаты своего труда и в точности знать размер награды за него в конце каждого рабочего дня, если только

ошеломившее его открытие о конструкции машин.⁷ Вспомним и остановимся специально на фундаментальном обосновании Тейлором актуальности тейлоризма и как системы, и как философии - на “работе с прохладцей”.

“ВЫЗОВ ТЕЙЛОРА” И ЕГО РОССИЙСКОЕ ЭХО

Тейлор “бросил вызов” своим современникам - твёрдо сказал, что они “работают с прохладцей”, проще говоря - лодыри, а могли бы работать “в среднем” вдвое производительнее.

Будучи в какой роли, и в каком тоне Ф.У.Тейлор говорит эту “свою правду” народу? Роль его - исследователь-рационализатор, энтузиаст, встречающий всеобщее сопротивление своим организационным новациям и крайне слабо мотивированную поддержку предпринимателей (без веры в результат, в порядке покровительства энтузиасту). Отсюда его запальчивый тон, стремление “задеть за живое”, разозлить - всё что угодно, лишь бы сломать равнодушие. Рабочие и предприниматели у Тейлора - невежды; профсоюзы, как сказали бы у нас в России, - завоёвывают у рабочих дешёвый авторитет и не идут на партнёрство с предпринимателями, не борются за повышение эффективности производства; “рабочие вожди, как равно

хотят, чтобы он проявлял максимальное рвение в работе. А более элементарная натура, присущая, например, молодым девушкам, выверяющим велосипедные шарики, или же детям, нуждается в надлежащем поощрении, либо в форме личного внимания со стороны старших, либо в виде актуальной награды, не реже, чем через каждый час”.(с.68-69). И много других подобных характеристик.

⁷ “Металлообрабатывающие машины, - отмечает Тейлор, - на всех наших машиностроительных заводах были построены в отношении возможных скоростей работы наугад, а отнюдь не на основе точных сведений, полученных в результате изучения искусства резать металлы. На всех машиностроительных заводах, которые были нами последовательно реорганизованы, мы выяснили, что не было даже одной машины из ста которая была бы построена в отношении скорости работы хотя бы сколько-нибудь близко к надлежащим скоростям резания”. (с.81)

и множество филантропически настроенных людей, помогающих рабочим, ежедневно распространяют это заблуждение и уговаривают рабочих в том, что они переобременены работой” (с. 14).

Поймите, я не выгораживаю Ф.Тейлора, просто я понимаю, почему он говорит со своим родным народом тоном резкого вызова. В таком тоне вправе говорить с родным народом любой рядовой гражданин и не вправе - любой правитель или причастный к правительству.

У нас в России могу зафиксировать два эха “вызова Тейлора”.

Первое эхо - знаменитые слова В.И.Ленина: “Русский человек - плохой работник”, написанные в апреле 1918 года. Связь их с подходами Тейлора несомненна. Она прослеживается в рамках одного абзаца.

Второе эхо, когда связь была уже не с Тейлором, а с Лениным, - высказывание Леонида Ивановича Абалкина в 1989 году с трибуны Верховного Совета СССР при назначении его на должность заместителя Председателя Правительства СССР.

В.И.Ленин был в апреле 1918 г. Председателем Совнаркома РСФСР и одним из реальных вождей революционного народа России. Каким тоном говорит он своё знаменитое “Русский человек - плохой работник”? Вот каким:

“Русский человек - плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать - эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всём её объёме”.

“Поставить перед народом задачу учиться работать”. Кто ставит задачу учиться работать? Советская власть, устранившая режим царизма, ставящая остатки крепостного права вне закона, привлекающая трудовые массы к управлению страной, местностью, предприятием. Эта та самая власть, которая сказала: “Любая кухарка должна учиться управлять государством!” Не *управлять государством*, как переиначивали в 1990-е годы невежественные питомцы журфака МГУ, а **учиться**

управлять государством. Почувствуйте разницу!

Я горжусь ленинской постановкой вопроса и тоном, в каком ставится задача. Это тон народного революционера.

Второе громкое эхо - в июне 1989 года. Л.И.Абалкин - мой старый товарищ, которому я лично обязан принципиальной поддержкой в нескольких критических ситуациях. Могу только сожалеть, как сожалел и в 1989 году, что Леонид Иванович включился в события четвёртой русской революции на стороне насквозь прогнившего режима КПСС. Он мыслил, я уверен, категориями пользы Отечеству, он верил, что к критический момент не уместно педалировать классовые раздоры, а надо прежде всего укрепить Державу, стабилизировать экономику и т.п.

Вот отрывок из довольно оперативных мемуаров Л.И.Абалкина:

“Был - и стал гулять по стране - и мой ответ на вопрос о том, как мы живём. Если не ошибаюсь, я уже около часа стоял на трибуне, отвечая на различные вопросы депутатов. В очередной записке меня спрашивали о том, почему мы так плохо живём? Я буквально выдохнул, не раздумывая и не колеблясь:

- Мы живем не хуже, чем работаем.

Я и сегодня готов защищать этот вывод. Только не надо подменять понятия. Вопрос о том, почему мы плохо работаем, почему отдача нашего труда, порой весьма тяжелого по своим условиям, столь низка, - это совсем другой вопрос.

Мы же хотим измерять уровень нашей жизни по мировым стандартам. С ними, естественно, в этом случае нужно соизмерять также качество и результаты нашего труда. Но сегодня ни для кого не секрет, что по производительности труда мы уступаем развитым странам втрое-вчетверо, продукция наша в массе своей низкокачественна и неконкурентоспособна на мировом рынке, поля и скот - малопродуктивны. Так мы трудимся. Почему именно так - это, повторяю, другой вопрос.

Тяжело и обидно признавать все это. Но не посмотрев правде в глаза, мы не станем другими и не будем жить лучше. Много раз даже близкие мне люди говорили потом:

- Ты прав, но не надо было об этом говорить. Люди обиделись.

А может быть, всё-таки надо говорить правду? Может быть, нам в самом деле стоит обидеться, разозлиться на самих себя и доказать, что мы можем, что мы способны работать по-иному?

Позже я понял, что за всеми разговорами о том, как мы живём, стоит неистребимое желание отнять и поделить, своеобразный "синдром дележа". Ведь если мы живем хуже, чем работаем, то кто-то живет лучше. Найдём, отберём, разделим и сразу заживём по-иному. Как сладка эта наивная вера в возможность немедленно, не меняя отношения к труду, системы экономических отношений, наших нравственных стереотипов, добиться улучшения жизни путем передела! Вариантов этого передела много, но во всех них неизменно присутствует поиск врага, у которого можно что-то отобрать, а отобранное разделить, чтобы всем немедленно стало лучше. И нам не помогают ни горькие уроки прошлого, ни опыт наших соседей.

Все это было 28 июня 1989 года".⁸

Я тоже хорошо помню это время. На 13 день после этого выступления (не по причине этого выступления, конечно) началась шахтёрская забастовка в Междуреченске и следом возникло всесоюзное шахтёрское забастовочное движение, которое к концу 1989 г. потребовало отмены 6-й статьи Конституции СССР (статья о монополии КПСС на власть). Люди, весь народ не желали работать под руководством режима КПСС. Люди не обиделись, как говорили Л.И.Абалкину его близкие, а обозлились. В начале 1990 г. Первый съезд рабочих движений и организаций в Новокузнецке внёс поправку в текст моего проекта резолюции "Об отношении к Правительству". В проекте говорилось, что во время переговоров с Правительством в 1989 г. "мы почувствовали нетоварищеское отношение к нам Правительства". Шахтёры по

---

⁸ *Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. - М.: Политиздат. 1991. С. 23-24.*

требовали заменить “нетоварищеское” на “враждебное”. Я дважды обратился к залу в 600 человек с предложением выверить слово. Оказалось, оно уже давно выверено. Весь зал проголосовал за “враждебное” (к моему глубокому удовлетворению, кстати сказать).

Да, и сейчас “русский человек - плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе” при тоталитарном режиме и при ельцинском экономическом геноциде, при разграблении на виду у всего народа природных и накопленных его трудом богатств. Вы, честные граждане, и вы, будущие народные заступники и народные революционные вожди, не стесняйтесь говорить эту правду. И не стесняйтесь ставить перед всеми нами задачу учиться работать. Тут ведь самое главное, чтобы эта задача была поставлена не господином и его холуём-приказчиком, а товарищем, то есть тем и теми, в чьей преданности **трудовому народу** сомневаться не придётся. Речь идёт именно о преданности трудовому народу, а не этой пресловутой “нужной им”, столыпинской “великой России”.

Вернёмся к Тейлоровой формуле - к “работе с прохладцей”. Видел ли сам Ф.У.Тейлор её глубинную социально-классовую природу? Не думаю. Скорее чуял, нежели видел и осознавал. Прочтите ещё раз первую главу книги Ф.У.Тейлора. В ней о “работе с прохладцей” сказано прямо и много, но... Но классовые взаимоотношения, стоящие за такой работой как за системой, не названы, не вскрыты. В отличие от Тейлора, большевик А.К.Гастев указывает на суть дела с революционной прямоотой и - что ещё важнее - с большей научной глубиной. Прочтём у А.К.Гастева в его работе 1921 г.:

“Рабочие союзы, особенно английские, дитя новой свободной промышленности, выдвинули лозунги и максимальной платы (средство против индивидуального срыва условий труда) и минимальной (метод массового сопротивления против усиления эксплуатации). Но что важнее всего в их деятельности - это тот регламент выработок за определенную единицу времени, который они создавали **в течение полутора столетия** своей

деятельности. Союзы рабочих создали этим самым не только нормы выработки, они создали общепризнанный темп работы, начиная с большой единицы времени в форме недели или месяца и кончая часом, В этом темпе они запечатлели трудовой темперамент своей эпохи и своего класса. Своими крохоборческими нормировками они психологически подготавливали себя к восприятию новых систем труда, как бы они им декларативно ни сопротивлялись. В их деятельности любопытно не только фиксирование обычая; они давали *эксперименты нарочного понижения трудового темпа, понижения, проводимого огромными массами и требовавшего величайшего организационно-трудоового воспитания*. Это так называемый саботаж (кропание). Что **проведение таких приемов требует большой культуры**, показывает хотя бы то, что российским рабочим прием рассчитанного саботажа не удавался: они выдавали друг друга своими индивидуальными темпами”.⁹

Вслушайтесь, вдумайтесь: “рассчитанный саботаж”, возможный только при большой культуре массового классового сопротивления, требующий величайшего организационно-трудоового воспитания. Это пример той самой материальной силы, которая рождается в результате овладения идеи массами. Это объективный субъектный фактор социальной политики, социально-трудоовых отношений.

ТЕЙЛОРОВЫ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ (В ОБЩЕМ ПЛАНЕ)

Выношенность, продуманность, экспериментальная проверенность практическим применением отлилась у Ф.У.Тейлора в чеканные формулы существа его системы. Из этих многократно высказанных формул отберём три.

1. Со стороны целевых установок “основы научной системы управления могут быть резюмированы следующим образом:

---

⁹ Гастев А.К. *Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда*. Изд. 2-е. - М.: “Экономика”. 1972. С.27.

наука вместо традиционных навыков;
гармония вместо противоречий;
сотрудничество вместо индивидуальной работы;
максимальная производительность вместо
ограничения производительности;
развитие каждого отдельного рабочего до
максимальной доступной ему производительности и
максимального благосостояния” (с.101-102).

2. Со стороны содержательного алгоритма действий (программный аспект) Тейлорова научная организация управления предполагает решительное развитие функций администрации. “Новые обязанности дирекции распадаются на следующие четыре группы:

Во-первых. Администрация берет на себя выработку научного фундамента, заменяющего собой старые традиционные и грубо-практические методы, для каждого отдельного действия во всех различных разновидностях труда, применяемых в предприятии.

Во-вторых. Администрация производит на основе научно установленных признаков тщательный отбор рабочих, а затем тренирует, обучает и развивает каждого отдельного рабочего, в то время как в прошедшем рабочий сам выбирал себе специальность и сам на ней тренировался так хорошо, как умел.

В-третьих. Администрация осуществляет сердечное сотрудничество с рабочими в направлении достижения соответствия всех отдельных отраслей производства научным принципам, которые были ею ранее выработаны.

В-четвёртых. Устанавливается почти равномерное распределение труда и ответственности между администрацией предприятия и рабочими. Администрация берёт на себя все те отрасли труда, для которых она является лучше приспособленной, чем рабочие, тогда как в прошедшем почти весь труд целиком и большая часть ответственности были возложены на рабочих” (с.28).

3. Со стороны, как сказали бы большевики, **всемирно-исторического значения** (по-теперешнему, **со стороны социально-экономических последствий**). “В случае всеобщего принятия принципов новой системы, -

уверен Ф.У.Тейлор, - громадные выгоды получились бы отсюда решительно для всех (с.102). ... Всеобщее распространение методов научного управления предприятиями легко увеличит вдвое производительность среднего человека, занятого промышленным трудом. Подумайте о том, какие выгоды это означает для целой нации! Подумайте о повышении благосостояния как в отношении предметов первой необходимости, так и в отношении предметов роскоши, которое станет доступным для широких кругов нации, о возможности сокращения рабочего дня в тех случаях, когда это является желательным, и о связанных с этим возможностях развития просвещения, культуры и отдыха. Но в то время, как все общество в целом воспользуется выгодами от этого повышения производительности, промышленный фабрикант и рабочий гораздо более заинтересованы в той специальной выгоде, которую получают они и непосредственно близкие им люди. Научная организация управления означает для предпринимателей и рабочих, которые примут ее - и, в частности, для тех, которые введут ее первыми - устранение почти всех поводов для недовольства и противоречий между обеими этими сторонами. Объем нормальной дневной выработки сделается вопросом научного исследования вместо того, чтобы составлять предмет торговли и барышничества. Медлительность в работе совершенно уничтожится, потому что смысла в "работе с прохладцей" больше не будет. Огромное повышение заработной платы, сопровождающее введение этого нового типа управления, в очень значительной мере устранит вопрос об уровне платы в качестве источника противоречий между предпринимателями и рабочими. Но в гораздо большей мере, чем все остальные моменты, уменьшению трений и недовольства будет способствовать установление тесного дружественного сотрудничества, непрерывного личного взаимного соприкосновения обеих сторон. Очень трудно для двух классов людей, чьи интересы совпадают и которые ежедневно работают рука об руку для достижения одной и той же цели, постоянно оставаться в ссоре" (с.103-

104).

Нельзя не отметить, что аспект социально-экономических последствий “всеобщего распространения методов научного управления предприятиями” не является у Тейлора проработанным теми же методами, что и сами основы системы. Эксперимент здесь не был возможен. Здесь применена экстраполяция (прямое распространение) на общество того, что сделано на отдельных предприятиях. О том, насколько это правомерно, речь ещё пойдёт впереди. Сейчас же важно подчеркнуть, что основатель тейлоризма не чурался социальной ответственности и был твёрдо уверен, что его система несёт в общество социальную гармонию, социальный мир и всеобщее благосостояние.

“ГРОМАДНЫЕ ВЫГОДЫ РЕШИТЕЛЬНО ДЛЯ ВСЕХ”

Тейлор, по-видимому, прожил очень творческую жизнь и до конца дней был счастлив от сознания и исполненного долга, и могущественности сделанного открытия. Ведь как-никак, а оно, по его убеждению, во-первых, колоссально обогащало и нацию, и предпринимательство, и работника, а, во-вторых, делало всех их настоящими друзьями не просто с *мирно сопрягаемыми* интересами, а с **тождественными** интересами.

Кто-нибудь скажет о Тейлоре (в стиле его же собственных высказываний о рабочих), что, дескать, он, “будучи невеждой в отношении истории собственного общества, твёрдо верил” в совпадение интересов капитала и труда, работника и работодателя. Я так говорить не стану. Я скажу, что Ф.У.Тейлор, по-видимому, придерживался душеспасительной для него **иллюзии** о совпадении таких интересов, ну пусть не сию минуту, а в конечном счёте, в глубинной тенденции и в большой перспективе.

Ничем, кроме как внутренней нуждой в иллюзии, невозможно объяснить существование в одной и той же книге тезисов о совпадении классовых интересов и многочисленных констатаций их несовместимости, враждебности. Откуда эта нужда в иллюзии у Тейлора? От

потребности в моральной компенсации, в подведении фундамента нравственного дела под создание такой системы, как тейлоризм. Это потребность увлечённого новатора на пушечный выстрел не подпустить угрызений совести. Это явление того же самого порядка, как иллюзия физиков-ядерщиков XX века насчёт того, что созданием своих чудовищных бомб они “уберегли Землю от пожара”.

В пору глобальных бесчинств и преступлений против человечности, творимых международным капиталом и “сильными державами” в XX и XXI веках, иллюзия становится позарез необходимым компенсатором для втянутых в эти бесчинства и преступления учёных-технарей. Тейлор - начинающий на этом пути. Его можно упрекнуть разве что в нравственном приспособленчестве, но не в полном аморализме или моральной капитуляции, как создателей оружия массового уничтожения и массового порабощения.

Но Тейлор, безусловно, человек технарского мировоззрения. И ему свойственна генетическая травма этого мировоззрения - смотреть на весь мир как на объект, с которым дозволительно экспериментировать.

Как Тейлор оценивает “зону применения” своей системы? Как и всякий обычный “технарь-новатор” (этот тип новаторов не перевёлся и до сих пор). Он нашёл способ кратно повышать выработку на рабочего. Честь ему и слава за решение этой организационной задачи специально для того разработанными методами. Но как типичный “технарь-новатор”, Тейлор обуреваем амбициями разрешить социально-политические проблемы теми же способами (точнее, на базе той же, по его выражению, философии системы, тех же “четырёх основных великих принципов управления”). Ему невдомёк, что уже существующая (для Тейлора исходная) производительность труда и машин - на порядок выше когда-то существовавшей, а тем не менее противоположность интересов работника и хозяина при этом повышении не исчезла. Так отчего бы ей исчезнуть при повышении производительности ещё на полпорядка или даже на порядок? Какая причина, питающая

воспроизведение противоположности интересов социальных групп, снимется, отпадёт, испарится оттого только, что работник в час времени и за день производит гораздо больше, чем до системы Тейлора?

ВОЗМОЖНО ЛИ “В ЦЕЛОМ” ТО, ЧТО ВОЗМОЖНО “В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ЧАСТИ”?

На чём построена иллюзия Тейлора, будто всеобщее распространение его системы даст “громадные выгоды решительно для всех” и, в частности, обеспечит максимальную прибыль в соединении с максимальным благосостоянием для каждого занятого в предприятии работника?

Прежде всего на уверенности, что тейлоризм как система научной организации управления имеет *реальные шансы на всеобщее распространение*. Принципиальные элементы научной организации управления, - утверждает Тейлор, - “являются приложимыми **абсолютно ко всякому** виду труда от наиболее элементарных и до самых сложных...” (с.31).

Абстрактно (отвлечённо) говоря, да, приложимы. Но конкретно говоря, приложимы местами, на определённые периоды, при наличии особенных условий и создании необычных для большинства подходов, мерок, соглашений. Да что там - скажем прямо (и этим подтвердим, что поняли Ф.У.Тейлора): при скрупулёзной селекции кадров, при “тщательном отборе” и дрессировке работников.

То, что такое возможно, достижимо на практике, Тейлор доказал лично на десятках примеров. Известно, правда, что последователи Тейлора - ретивые инженеры-рационализаторы - напоролись на массовые протестные стачки и довели дело до расследования в Конгрессе США с целью изучить систему Тейлора и “выяснить промышленные взаимоотношения”¹⁰. Но это, видимо, как

---

¹⁰ *Обязан проинформировать читателей, что не располагаю сведениями о том, к каким выводам пришла специальная комиссия Конгресса США по изучению системы Тейлора и “выяснению промышленных взаимоотношений”.*

раз такие вульгаризированные способы применения системы, от которых сам Тейлор специально предостерегал (§16 книги)¹¹. Да и в принципе: позволительно ли считать ложной какую-либо систему или доктрину только на том основании, что её применение на практике даёт сбои, особенно в самом начале? Нет, конечно. Из факта, что на этот раз не удалось сделать так, как следует из логики системы, неправомерно делать вывод, будто не удастся никогда и вообще не может удастся. Так что при оценке *реальной способности* тейлоризма как системы ко всеобщему распространению удачи или неудачи её применения в локальных масштабах - вообще не аргумент. Это аргумент относительно сложности или лёгкости применения в отдельных случаях. Мы же обсуждаем иной вопрос: обоснована ли уверенность Тейлора, что его система реально способна и реально пригодна ко всеобщему распространению?

Установим с предельной точностью главный аргумент Тейлора в пользу всеобщего распространения его системы: не существует такого вида труда, к рационализации которого эта система была бы неприложима. Возможно, кто-то, если постарается, то найдёт такие виды труда. Но такие исключения не отменяют правила, они заставят разве что заменить слова “приложима **абсолютно ко всякому** виду труда” (с.31) на что-нибудь

---

¹¹ Тейлор счёл необходимым специально остановиться на вопросе “о тщетности использования механизма новой системы управления при пренебрежении самой его сущностью, также о тщетности попыток сократить срок по необходимости весьма длительных переходных мероприятий, совершенно не считаясь с прежним опытом” (с.97). Тейлор добавляет: “В этой связи нам надлежит вновь отметить, что за все тридцать лет, которые мы посвятили введению научной системы управления в промышленности, у нас не было ни одного случая забастовки среди рабочих, работавших в соответствии с ее принципами, даже в течение того критического периода, когда происходил самый переход от старой системы к новой. Если люди, опытные в деле, осуществляют реорганизацию надлежащими методами, нет совершенно никакой опасности возникновения стачек или иных трений”. (с.98).

менее категоричное - вроде “как правило, приложима”. Так что примем аргумент Тейлора без придирок.

Аргумент - из числа необходимых. Но его недостаточно для доказательства. Недостаточно потому, что аргумент приводится из относительно частной области - из области организации **непосредственного процесса труда**, а доказать нужно положение, касающееся общества в целом, общественного устройства, социокультуры и т.п. Целостное - не сумма частей, в целостном есть нечто сущностное, не сводимое к множеству его проявлений в частях.

Скажем то же самое проще. Что каждый раз мешало Тейлору внедрять его систему? Разные в общем-то, **но однотипные** причины и обстоятельства. Например (перечисляю по памяти):

- организованные предприниматели и организованные рабочие повсеместно стоят за войну, а не за мир в своих взаимоотношениях;

- вековые “заблуждения” (“невежество”) рабочих относительно социальных последствий роста выработки;

- профсоюзы;

- рабочие вожди и филантропы, помогающие рабочим;

- лень как естественный инстинкт плюс “более сложные задние мысли и рассуждения, обусловленные общественными отношениями” (признание **обусловленности общественными отношениями** дорогого стоит);

- отсутствие “тесного, интимного, личного, дружеского сотрудничества между управляющими и работниками”;

- попытки осуществить слишком быстрый переход от старой системы к новой. Казалось бы, к чему медлить с освоением хорошего и прогрессивного? А дело-то в том, что действительно “крупная проблема, заключенная в переходе от системы “инициативы и поощрения” к научному управлению предприятием, состоит в необходимости полнейшей революции в моральном укладе и навыках всех агентов администрации, как равно и всех рабочих предприятия. (с.95). Для этого требуется минимум два-три года, иногда 4-5 лет. “...**Глубочайшая**

перемена во всём моральном укладе рабочих повелительно требует времени” (с.95).

Можно и продолжить перечень реальных трудностей применения (принятия) системы. Но важнее обратить внимание не на количество, а на **тип (характер)** проблем (трудностей) в этом перечне. Все они связаны с общественным (социальным) бытием работника, все они кричат об одном и том же: работник - не рабочая сила, а человек, он и за станком человек, и при лопате - человек, и при сортировке шариков.

Целостно человеческое (социальное) приходит в непрерывное противоречие с типичными для Тейлоровой системы подходами к человеку сугубо как к рабочей силе, способной или неспособной в разы увеличить выработку. Тейлор и тейлоризм разрешают это противоречие откровенно упрощёнными способами: надо среди миллионов отыскать пригодных, заменить ими непригодных, непригодных уволить, а пригодных надрессировать, позаботившись, чтобы не нанести вреда здоровью, учесть естественную ограниченность любого биоорганизма и т.д. Ну а если “пасьянс” не сойдётся и многие в стране окажутся непригодными для сверхударной работы? Тейлор даже не ставит такого вопроса (это подтверждает мою догадку о потребности в иллюзии для недопущения угрызений совести). Зато современная практика (начиная с 30-х годов XX века) непрерывно ставит эти вопросы, а эра глобализации выносит их на первый план в форме проблемы лишней части населения и даже лишних народов.

Проблема “сойдётся ли пасьянс” в масштабе всей страны (да хоть бы и всего мира), то есть окажется ли подавляющая часть населения (а лучше бы всё население) пригодным для работы *по меркам тейлоризма* - это как раз та самая проблема, которая определяет оценку претензий тейлоризма на всеобщее распространение либо как реалистических (научно обоснованных), либо как утопических.

И вот тут самое время объяснить качественную разницу между научно обоснованным и утопическим в

любых суждениях, претензиях и оценках, коли они касаются общественных явлений. Общественными называются не всякие явления, с которыми соприкасается общество и люди в обществе, а только такие, сущность (закономерности) которых определяются в решающей мере устройством общества, закономерностями общественной формы движения материи. Все трудовые отношения суть отношения общественные.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ И ИНТЕРЕСЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ВСЕОБЩЕМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЕЙЛОРИЗМА

Объективные (внутренние) противоречия общества являются причинами его самодвижения. Самодвижение общества всегда сознательно (в этом отличительная особенность общественной формы жизни). Содержательным способом (механизмом) движения являются: социальная структура; структурированное общественное сознание, вплоть до интересов; структурированные социальные силы; политика как реальное взаимодействие социально-политических сил. Наличие социальной группы как реального субъекта политического процесса означает реальность того варианта общественного будущего, который соответствует интересам и собственной идеологии этой группы. Сравнительная влиятельность (сила) политического действия разных социальных групп определяет вероятность осуществления вариантов будущего, соответствующих их интересам. Конкретно-историческое соотношение социальных сил определяет конкретно-историческую траекторию общественного развития.

Исходя из таких представлений, рассмотрим вероятность всеобщего распространения тейлоризма как системы организации производства.

Тейлор сетует: и капиталисты, и трудящиеся решительно не понимают (и не желают понимать) тождества своих интересов. Я принадлежу к числу тех, кто квалифицирует соотношение классовых интересов капитала (эксплуататоров) и трудящихся

(эксплуатируемых) как антагонизм (непримиримая противоположность, корень которой - частная собственность, узурпация господствующим классом власти в обществе и в хозяйстве). Расхождение между нами только в том, что Тейлор считает повсюду наблюдаемый им антагонизм интересов трагическим заблуждением, недоразумением, а люди революционных социалистических убеждений - глубинной закономерностью. На наш взгляд, Тейлор базирует свои упования на всеобщее распространение тейлоризма именно на глубинном тождестве интересов труда и капитала, эксплуатируемых и эксплуататоров, а этого тождества как не было, как нет, так и не может быть.

Тейлор решительно отвергает опасения рабочих, что рост производительности сокращает число рабочих мест. Тейлор бросает рабочим вызов, обвинение в невежестве. Но у тех в активе смекалка и инстинкт. В связи с этим интересно было бы проверить статистикой связь динамики выработки (за счёт динамики производительности и интенсивности труда) и числа рабочих мест по отраслям и в целом в хозяйстве. Учесть бы при этом непременно и периферию капитализма. Правомерно предположить, что обеспеченность продуктивной и свободно избранной занятостью, а особенно продуктивной и свободно избранной нанятостью в глобализованном капиталистическом мире не возрастает. Во всяком случае, масса фрагментарных сведений свидетельствует в пользу такого предположения. Даже в самой развитой части мирового капиталистического хозяйства трудности с эффективной и свободно избранной нанятостью остаются постоянной социальной проблемой.

Достаточная и социально полноценная нанятость - это лишь часть классовых интересов эксплуатируемых. Однако, по логике Тейлора, каковы бы ни были конкретные интересы работников, научная система управления предприятием и по отношению к ним способна быть волшебной палочкой, **вполне** удовлетворяющей интересы и предпринимателя, и его работника.

Относительно поддержки тейлоризма предпринимательством можно не сомневаться, по крайней мере, в конечном счёте. Тейлоризм не прост в применении, это высокая социально-организационная технология, она требует и инвестиций, и кадров, и некоторых сроков для устойчивого получения эффекта. Но тейлористские новации увеличивают прибыльность. Поэтому всеобщая заинтересованность в тейлоризме класса предпринимателей вполне вероятна, если предприниматели не отыщут и не предпочтут иных систем решения тех же самых задач.

С рабочими вопрос посложней. Прямой *массовой* заинтересованности в тейлористских рационализациях ожидать не приходится. Хотя бы в силу консерватизма, свойственного трудящейся массе и в силу уже сформированной культуры массового сопротивления любым новациям, исходящим от работодателей. Работает классовый инстинкт, классовый иммунитет.

Значит, чтобы распространить тейлористскую систему управления трудом, надо кое-что переломить, сломать, заменить, преобразовать. Это кое-что - не пустякового масштаба. По словам самого Ф.У.Тейлора, это “необходимость полнейшей революции в моральном укладе и навыках всех агентов администрации, как равно и всех рабочих предприятия”; это достижение “тесного, интимного, личного, дружеского сотрудничества между управляющими и работниками”; это “глубочайшая перемена во всём моральном укладе рабочих” (её смысл - прежде всего полный отказ от солидарных защитительных действий); и т.п.

Тейлора ничуть не смущает масштабность реалий, которые, по логике тейлоризма, подлежат “сносу” или превращения в свою противоположность. В самом деле, разве тейлоризм не бросает вызов социокультуре и, в частности, культуре труда? Ведь он берётся отвергнуть *опыт*, трудовую культуру и сложившуюся трудовую мораль. Мыслимо ли так подходить к делу общественных преобразований? Мыслимо, если быть в

усовершенствований прямолинейно-прагматичным¹², то есть считать, что человек - всего-то лишь рабочая сила, а его цель - всего-то лишь увеличение заработка. И только.

Контраргументация со стороны тейлоризма (и вполне в духе самого Тейлора) может быть такая: система тейлоризма не делает ничего в сущности качественно нового, она лишь помогает и работодателю, и работнику продвинуться гораздо дальше по тому самому пути, по которому они уже идут сотни лет. И всё же, всё же...

Перед Тейлором даже не встаёт вопрос, а не даст ли увеличенная скорость движения по той же дороге и в том же направлении каких-либо необратимых разрушительных эффектов? Великий нравственный принцип новаторов и первооткрывателей состоит в том, что всегда в момент порождения нового, никогда ранее не бывшего первооткрыватель обязан (именно обязан, морально обязан) спросить себя: разве никто до меня не мог этого открыть?¹³ А если мог, то почему не открыл? А если открыл, то почему не передал для практики (фактически вновь закрыл)? Вместо этих вопросов первооткрыватель Ф.У.Тейлор декларирует сверхоптимистические социальные эффекты от всеобщего распространения своей системы.

Итак, основания для практического распространения тейлоризма в обществе имеются. Это прежде всего и безусловно - классовые интересы капиталистического

---

¹² Нам ли на Руси дивиться такому подходу? У нас только что прошли ельцинские реформы, основанные на прямолинейном прагматизме, у нас во-всю реализуется сверхциничная "Программа Г.Грефа", а голый прагматизм пропагандируется как основное достоинство нынешних властей. Лидер "Единой России" Б.Грызлов только что шокировал людей демократических взглядов, противопоставив демократическому гражданскому процессу "занятия конкретными делами". Действующие президенты России никогда не участвовали в демократических предвыборных дебатах, не публикуя, между прочим, при этом внятной (не расплывчатой) цельной программы своих действий.

¹³ Интересно будет проследить, как появлялись после тейлоризма иные системы и что они брали на вооружение? Полагаю, нечто из привычной культуры труда и общения.

предпринимательства. Оснований же для всеобщего распространения в буржуазно-демократическом обществе, по крупному счёту, нет, ибо тейлоризм противоречит классовым интересам эксплуатируемых.

Проблема широты и тем более всеобщности распространения тейлоризма лежит в плоскости нахождения факторов отказа эксплуатируемых от их классовых (социально-групповых) интересов. Каковы эти интересы и от чего конкретно надо отказаться эксплуатируемым, чтобы партнёрствовать (дружески сотрудничать) с капиталом и его наёмными управляющими на поприще практического освоения Тейлоровой системы управления трудом?

“ПРИХОДИТ ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА”

“Время коллективного сотрудничества” - именно так обозначил Ф.У.Тейлор то желаемое будущее состояние, которое качественно отличается от изжившего себя времени совершенствования работы в одиночку, “без всякой помощи со стороны других людей”.

Кто эти “другие люди”, которых так не хватало “каждому отдельному человеку” во времена, которые теперь “быстро уходят”? Не подумайте, что это другие такие же трудящиеся. Нет, это организаторы работы по-новому. Именно с ними предстоит “коллективно сотрудничать” работнику, пригодному для работы по-новому и специально для этого отсортированному из массы таких же, как он. Бывших таких же, а ныне не прошедших специального профотбора.

“...При нашем типе организации необходимо следовать непоколебимому правилу: говорить и иметь дело одновременно только с одним рабочим, так как каждый рабочий обладает своими специальными способностями и недостатками и так как мы вообще имеем дело не с массами людей, а стремимся развить каждого отдельного индивидуума до наивысшей доступной ему степени производительности и благосостояния” (с.33).

Это заявление Тейлора интересно в нескольких отношениях.

Во-первых, что значит в общественном контексте это “мы вообще имеем дело не с массами людей”? Относится ли это к характеристике только имевшейся на тот момент практики применения новой системы или же сама система рассчитана от начала до полной и окончательной своей победы (“всеобщего распространения”) на “точечное”, поштучное применение?

Полагаю всё же, что Тейлор не рассматривал свою систему как услугу для отдельных платёжеспособных предпринимателей. Он, подчёркнув лишний раз, мечтал о “всеобщем принятии принципов новой системы” (с.102). Но если так, то задачи и практика её массового применения должны поставить многие проблемы нового типа, не рассматривавшиеся Тейлором. Он заканчивает свою книгу лишь мечтами о “громадных выгодах решительно для всех” от всеобщего применения системы. Но с какими препятствиями может столкнуться это всеобщее применение, к каким негативным последствиям может привести, чем гарантированы “громадные выгоды решительно для всех” - все эти вопросы Тейлор разве что затрагивает, но не рассматривает. Это были вопросы для его последователей, для тех теоретиков и практиков организации производства и труда, кто принимал эстафету тейлоризма.

Во-вторых, следовало бы обдумать завет Тейлора “говорить и иметь дело одновременно только с одним рабочим”. Что это: всего лишь технология работы тейлориста-специалиста или же сознательное отделение работника от его социально-групповой среды? Почему бы рабочим не помочь друг другу в освоении новшества? Но при внедрении новой системы “критическая масса” сторонников системы набирается всегда по одному. Остальная рабочая масса в примерах Тейлора всегда оказывается враждебно настроена к системе и всегда надо переламывать её враждебное отношение. Ну, хорошо, пусть рабочий люд в условиях эксплуатации, как правило, дремуч, подозрителен к новшествам администрации и

инстинктивно консервативен. Но когда “прорвало” и когда масса поворачивается к новой системе и перестаёт её бояться, то почему же здесь не включить ресурс коллективного освоения и приятия?

О коллективизме у Тейлора написано вот что:

“Автор желал бы вновь подчеркнуть, что “то время, когда личное совершенствование каждого отдельного человека могло быть осуществляемо им одним без всякой помощи со стороны других людей, - что это время быстро уходит. Приходит время, когда все великие достижения будут осуществляться путем такого коллективного сотрудничества, где каждый отдельный человек осуществляет те функции, для которых он наилучшим образом приспособлен, где каждый человек сохраняет свою собственную индивидуальность и является непревзойденным в своей частной функции, где ни один человек ничего не утрачивает из своей оригинальности и надлежащей личной инициативы, но всё же каждый работает под контролем и в гармоническом сотрудничестве со многими другими людьми”.

Социал-демократы и особенно социалисты, не спешите аплодировать! Это Ф.У.Тейлор, милостивые государи! Не тот он человек, великий Тейлор, чтобы вести речь о коллективизме социально-профессиональной группы рабочих. Когда Тейлор пишет “коллективизм”, читай “система организации труда и производства, сделавшая громадный шаг вперёд в углублении разделения труда и скооперированности этого гораздо глубже разделённого труда”. Такой, как у Тейлора, коллективизм вполне пригоден, говоря его словами, и для умной гориллы. Такой “коллективизм” в смысле слаженности действия бывает у деталей, например, в часах. Великий Тейлор - механик, милостивые государи, и коллективизм у него, как ни крути, механический. Не тот у него коллективизм, который порождает нечто ценное в организации “снизу”, со стороны управляемых, нечто недоступное для изобретения организаторам от администрации, нечто неожиданно живое, некий ресурс самоорганизации организованных сверху.

А между тем вопрос о ресурсах коллективизма в освоении и даже в совершенствовании научной организации труда и производства - один их ключевых социально-трудовых вопросов. И во многих не-тейлористских системах управления трудом ответы на него отыскиваются на путях не отделения работника от массы, а культивирования его связи с массой (с управляемой, уточним, массой).

В-третьих, надо осмыслить, насколько велика в тейлоризме ставка на социальный ресурс роста интенсивности (производительности) труда. И какого рода этот ресурс.

В общем плане социальный ресурс тейлоризма обозначен отчётливо (повторим ключевую формулу ещё раз): “необходимость полнейшей революции в моральном укладе и навыках всех агентов администрации, как равно и всех рабочих предприятия”; “глубочайшая перемена во всём моральном укладе рабочих”. Если же конкретизировать, то социальный ресурс тейлоризма складывается (проистекает) из развёртывания конкуренции между работниками, культивировании индивидуализма, разрушения условий и культуры рабочей солидарности, из партнёрства с администрацией “поодиночке”.

Эксперименты Тейлора делали актуальной научную постановку проблемы **степени зависимости** роста благосостояния и смягчения конфликтов от роста производительности труда. Зависимость не прямая, а опосредованная **общественным устройством**. Сам Ф.У.Тейлор эту опосредованность чувствовал и на неё указывал. Но эта сторона тейлоризма - сторона его социальных последствий и социальной оценки, экспертиза социальной допустимости - осталась не изученной в достаточной мере.

КВАЛИФИЦИРОВАТЬ ДЕЯНИЯ ТЕЙЛОРИЗМА КАК НЕВИДАННУЮ ИНТЕНСИФИКАЦИЮ ТРУДА – НЕ СОВСЕМ ПРАВОМЕРНО. «БЕЛОЕ ПЯТНО» В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕЙЛОРИЗМА

Смею утверждать, что в осмыслении тейлоризма есть существенное «белое пятно». Оно касается его роли и места в изменении организации общественного труда.

Внедрение системы Тейлора повсюду приводило к очень серьёзному увеличению выработки – буквально в разы. Сам Тейлор не раз отмечал, что работник при этом устаёт не больше, чем при обычной работе. Но стоящие на позициях рабочих учёные и политики этому не верили и неизменно обличали тейлоризм как идеологию и практику неограниченной интенсификации труда.

«В чём состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня».¹⁴ Именно с интенсификацией труда связывается суть тейлоризма в советских энциклопедических изданиях. Г.Браверман, работами которого гордится западная наука о труде, также видит суть тейлоризма в разрушительной для работника интенсификации.

С моей точки зрения, уличение тейлоризма в научном «выжимании пота» и в жестокой интенсификации труда рабочего уводит внимание в сторону от «белого пятна», подменяют проблему, не приводят ни к каким вразумительным научно достоверным результатам. Так называемая проблема интенсификации труда при осмыслении тейлоризма – плод методологически неверной постановки проблемы. Тейлоризм (система Ф.Тейлора) – не способ интенсификации труда, а качественно иное событие. Предлагаю придти к этому выводу, как говорится, «по порядку», **оттолкнувшись от представлений** о тейлоризме как о способе в разы, а то и на порядок поднять выработку в основном за счёт интенсификации труда.

Надо сказать сразу и с полной определённой: различие роста производительности труда и роста интенсивности труда – это подход с позиций работника (и с позиций его классовой науки). Для капиталистического

---

¹⁴ В.И.Ленин. «Научная» система выжимания пота. Март 1913 г. – М.: Полное собрание сочинений, изд. 5-е. Том 23, с. 18-19. Госполитиздат. 1969.

управляющего это различие никакого смысла не имеет. **Выработка** на работника в единицу рабочего (точнее – оплачиваемого) времени вот облик (схема) и инструментарий мысли менеджера. За счёт чего рост выработки, при каком соотношении нормального и сверхнормального трудового напряжения – это для него вопрос пустой и посторонний. Он может заинтересовать его лишь в случае недовольства, высказанного профсоюзом, реже – работником.

Когда Тейлор говорит об эффекте своей системы, он говорит о росте производительности труда как о росте **выработки**. Потому что он смотрит на процесс труда и его организацию всегда с позиций работодателя. И если он при этом, по своему обыкновению, закликает, что, дескать, интересы работника и работодателя тождественны, полностью совпадают, то это всего лишь приглашение рабочим присоединиться к точке зрения работодателя. Только и всего.

Когда В.И.Ленин оценивает «выжимание пота» системой Тейлора, он говорит об интенсификации труда, Вправе ли В.И.Ленин (в отличие от Ф.Тейлора) различать производительность и интенсивность труда? Не только вправе, но и обязан, как всякий исследователь и политик, смотрящий на проблему с позиций социального положения и интересов наёмных эксплуатируемых работников. Мировоззренческая позиция (марксизм) и Г.Бравермана заставила, по-видимому, разоблачить тейлоризм как способ невиданной интенсификации труда.

Различать рост производительности труда и рост интенсивности труда можно и нужно. В этом одно из реальных достижений науки, стоящей на идеологических позициях класса наёмных и эксплуатируемых. Но применительно к осмыслению деяний и влияний тейлоризма эти ценные подходы, по-моему, неуместны. Поясню, почему.

Вопрос о соотношении понятий «производительность труда» и «интенсивность труда» возник в марксистской литературе в связи с рассмотрением способов усиления эксплуатации – в частности, методом производства

относительной прибавочной стоимости. Интенсификация труда, по утверждению К.Маркса, приобрела решающую важность в условиях законодательного ограничения нормального рабочего дня¹⁵. Интенсификация труда – увеличение затрат труда в единицу времени, степень уплотнения труда, сжатие в пределы данного периода времени большей массы труда, конденсирование труда¹⁶. «Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени»¹⁷

Очень важно определиться вот в чём: при рассуждениях об интенсификации труда речь всегда идёт об увеличении затрат в единицу времени **одного и того же конкретного труда**, а как следствие – и затрат абстрактного труда. А если совсем строго и точно, то **одного и того же конкретного труда неизменной общественно нормальной интенсивности**. Именно этой особенностью объясняется тот факт, что одинаковое увеличение выработки за рабочий день за счёт роста производительности труда и за счёт роста его интенсивности даёт разный стоимостной результат. Об этом подробно рассуждал К.Маркс в параграфе 2 главы 15 первого тома «Капитала». Он, в частности, отметил:

« ...В последнем случае (в случае повышения выработки за счёт роста производительности труда – *Б.Р.*) понижается стоимость единицы продукта, так как продукт стоит меньше труда, чем раньше; наоборот, в первом случае (в случае роста выработки за счёт повышения интенсивности труда – *Б.Р.*) стоимость единицы продукта остаётся неизменной, так как продукт стоит того же труда, что и раньше»¹⁸

Все проблемы интенсификации труда и роста производительности труда фокусируются в проблеме движения их **общественно нормального уровня**. Рост общественно нормальной плотности (интенсивности) труда

---

¹⁵ К.Маркс *Капитал*. Том 1. – М.: Политиздат. 1988. С.420.

¹⁶ Там же, с. 421.

¹⁷ Там же, с. 533.

¹⁸ Там же, с. 533-534.

– этот процесс всегда связан с изменением общественной меры (мерила) того же самого (качественно не изменяющегося) конкретного труда. Рост общественно нормальной производительности труда – это всегда процесс качественного изменения конкретного труда под влиянием факторов, внешних для работника (изменение техники, технологий, организации труда), но заставляющих его приспосабливаться к ним (менять квалификацию, профспециализацию, совмещать функции, менять состав трудовых функций и т.п.).

Процессы интенсификации и роста производительности, конечно же, переплетены в рамках конкретных предприятий и конкретных мероприятий, а кроме того, идут в обществе неравномерно и несинхронно. Эти обстоятельства – дальнейшее усложнение (конкретизация), которая, однако не отменяет основного критериального признака: интенсификация – это концентрация в единице рабочего времени того же самого (качественно не меняющегося) конкретного труда, а рост производительности труда – рост продуктивности меняющегося конкретного труда.

Очень может быть, что «научный суд» над тейлоризмом и квалификация его деяний как невиданного «выжимания пота» и интенсификации труда впервые сделали актуальным научное уточнение критериального признака, позволяющего качественно разграничивать интенсифицированный и более производительный труд. Но «скорый суд» над тейлоризмом в начале 20 века не позволил сделать и использовать это актуальное уточнение. Не могу сказать в точности, сделал ли это в своей книге Г.Браверман, но советские учёные-трудовики не сделали, поместив и воспроизводя в энциклопедических изданиях вердикт «скорого суда». Например:

«Тейлоризм – система капиталистической организации производства, цель которой получение прибыли путём максимального повышения интенсивности

труда. Основана на глубоком разделении труда, рационализации трудовых движений»¹⁹

Как видим, тейлоризму инкриминируется интенсификация труда. При этом поразительно, что интенсифицированным здесь явно считается труд, глубоко изменённый дальнейшим разделением функций, да ещё и рационализацией трудовых движений, то есть существенно изменённый конкретный труд.

Сделаю относительное отступление от темы.

В отечественной общественной (по крайней мере, в отечественной социально-экономической и социально-трудовой) науке фронт исследований во второй половине 20 века был довольно широк. При этом специализация исследований была такой, что актуальными проблемами занимались одни, а историей соответствующей науки – другие. Сказался, кроме всего прочего, и «разрыв времён» - истребление целой когорты учёных в годы сталинских репрессий, так что молодое поколение исследователей начинало как бы заново, «не приняв научные дела» непосредственно от живых учёных старшего поколения, не пройдя школу научного ученичества.

Конкретизация некоторых введённых ещё К.Марк-сом понятий потребовалась в связи с советской практикой урезания расценок (пересмотра норм выработки). Имела место и практика чистой интенсификации (когда конкретный труд не менялся, а норма повышалась). Но была и более сложная проблема – проблема меры стимулирования при реальном техническом прогрессе. Наша сторона, помнится, атаковала издавна установленный шаблон – принцип обязательного опережения ростом производительности труда роста заработной платы (иначе говоря, «закон» понижения доли заработка в цене продукции).

Так вот: будучи отключёнными от истории собственной науки, мы, дискутируя об актуальном, не удосужились задуматься над инкриминированием тейлоризму бесчеловечной интенсификации труда.

---

¹⁹ *Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1984. Статья «Тейлоризм».*

Но и теперь не поздно. Вернёмся к тейлоризму.

Всякий переворот в общественной организации труда открывает как бы новую полосу его развития (фазу развития общественной организации труда) и формирует новое конкретно-историческое социально-трудовое пространство. В этом новом пространстве применимо то же самое общее правило редуцирования (соотнесения, соразмерения) труда разной интенсивности. Но каждый раз это уже новое пространство социально-трудовых отношений, в котором конкретный труд нормальной интенсивности совсем не таков, каким он был до переворота, то есть в предшествующем конкретно-историческом социально-трудовом пространстве (на предшествующей фазе развития общественной организации труда).

После промышленного переворота, то есть в машинном фабричном социально-трудовом пространстве конкретный труд нормальной интенсивности не таков, как в мануфактурном социально-трудовом пространстве. Тейлоризм, фордизм, иные крупномасштабные перевороты в организации общественного труда также формируют новые социально-трудовые пространства, в которых точка отсчёта (конкретный труд нормальной интенсивности) иная, нежели до этих переворотов.

Исторически сквозное (то есть охватывающее все фазы развития общественной организации труда, все последовательные социально-трудовые пространства) сведение (редукция, соизмерение) интенсивности труда не имеет научного смысла. Ибо оно игнорировало бы качественные скачки в общественной организации труда и исходило бы как из меры не из реальной конкретно-исторической нормы интенсивности, а из выдуманной (некой общеисторической, общечеловеческой), весьма условной и произвольной меры. Это было бы упражнение в пустом счёте, основанное на допущениях, выводящих счёт за пределы реальности. То есть это был бы абстрактный счёт, притом недопустимо абстрактный, так как надо было бы ввести понятие «абстрактный конкретный труд».

Тейлоризм сделал с рабочими, не являвшимися придатками машины, то же самое, что машина сделала с работниками, ставшими её придатками. Он превратил их в придаток системы научной организации труда. Более того, он дотянулся и до рабочих при машинах и механизмах, сделав придатками системы научной организации труда сами машины и механизмы²⁰. В том смысле придатками, что система научной организации труда стала у Тейлора задающим фактором при конструировании машин и механизмов. В этом-то и пафос главной Тейлоровой рекомендации – **замена «определённой философии управления промышленным предприятием совершенно отличной его философией».**

Ф.Тейлор считал (и притом совершенно справедливо) свою систему равно пригодной и для ручного, и для машинного труда. Тейлоризм, если угодно, и практически, и теоретически предложил программу завершения

промышленной революции – программу превращения любого наёмного работника в частичного работника, превращения частичного наёмного работника в универсальный, всеобщий социальный тип работника.

Ф.У.Тейлор, я считаю, не сказал о своей системе очень многого, что мог бы сказать, будь он не инженером, а

---

²⁰ Тейлор (в течение 26 лет) провел масштабные исследования по совершенствованию методов резки металлов. У него есть книга “Искусство резать металлы”. Необходимость учёта одновременно множества (более 10) факторов для выбора оптимального режима работы заставила сконструировать специальные счётные линейки для машиностроительных заводов как элемент Тейлоровской системы управления. Тейлоровские разработки столь обширны и взаимосвязаны, а их результаты столь влиятельны, что давали Ф.Тейлору право на весьма суровые оценки труда машиностроителей. Вот, к примеру: «Металлообрабатывающие машины, - отмечает Тейлор, - на всех наших машиностроительных заводах были построены в отношении возможных скоростей работы наугад, а отнюдь не на основе точных сведений, полученных в результате изучения искусства резать металлы. На всех машиностроительных заводах, которые были нами последовательно реорганизованы, мы выяснили, что не было даже одной машины из ста, которая была бы построена в отношении скорости работы хотя бы сколько-нибудь близко к надлежащим скоростям резания (с.81).

обществоведом, специализирующимся на теории общественной организации труда и социально-трудовых отношениях. Вот, к примеру. Ф.Тейлор постоянно высчитывает рост выработки у работника, труд которого организован научно, то есть по системе Тейлора. Но **это всегда конечный работник**, тот работник, который непосредственно таскает чугунные болванки, укладывает кирпичи, контролирует качество шариков, орудует лопатой и т.п. Тот факт, что этот новый работник «оброс» целым штатом экспериментаторов, функциональных мастеров, контролёров, диспетчеров и т.п., не скрывается, описывается. Высчитывается даже прирост эффекта, скорректированный на дополнительные затраты на научную организацию труда. Но это – на втором плане, а то и в стороне. А между тем речь-то ведь идёт о гигантском прогрессе в общественной организации труда, об углублении отраслевого и общественного разделения труда, о специализации функций и их перекомбинировании. **Изменяется структура совокупного труда и совокупного работника.**

Допустим, какой-то объём работы делают 200 работников. Применение системы Тейлора приведёт к тому, что *непосредственно* её будут делать 40-50 работников. Но добавится ещё 50-60 организаторов труда. Совокупное число занятых этой работой (непосредственные исполнители плюс организаторы) сократилось вдвое. Но как отличается сам **состав совокупности!** Тейлор комментирует обычно примерно так: применение системы дало рост выработки в 4-5 раз. А у обществоведа на первый план выходит другой комментарий: применение системы качественно изменило состав совокупного работника. Что даст внедрение системы в масштабе всей страны? Ответ Тейлора: гигантский рост производительности труда и справедливое распределение выгод, так чтобы выиграли все стороны (предприниматели, работники и нация в целом). Для обществоведа этот ответ не очевиден и не убедителен. Зато очевидно и несомненно, что, будучи внедрённым в масштабах хозяйства, тейлоризм даёт в итоге совсем иной

трудоустрой народ (по составу занятий, по квалификации, по соотносительному социальному положению, по социальным перспективам, по образу жизни, по социальной психологии, по культуре труда, по трудовой морали и т.п.).

Система Тейлора (как и вся логика механизации) меняет структуру совокупного общественно организованного труда в направлении возрастания доли преимущественно умственного и организаторского труда. Но труд при машинах и механизмах, труд при «научной системе работы» становится уделом рабочих, о способностях и уровне развитости которых сам Ф.Тейлор никогда не говорил доброго слова. Логика механизации (индустриализации) труда, так же, как и логика тейлоризма, – это **логика порождения новых социальных типов работников, качественная дифференциация которых носит характер социальной сегрегации**. Вот это главное в тейлоризме, а вовсе не интенсификация труда. Интенсификацией труда тейлоризм, как правило, не занимается, ибо он нацелен на качественное изменение конкретного труда, а не на его уплотнение. Неизменными в Тейлоровых преобразованиях остаются разве что заключительные трудовые операции, а всё остальное (рабочее место, инфраструктура труда, глубина разделения функций, набор движений и т.п.) меняется. В Тейлоровых преобразованиях фактически нет главного признака интенсификации – впрессовывания в один и тот же период времени большей массы того же самого конкретного труда. Этим и отличается научная система Тейлора от классической системы интенсификации труда – от системы надсмотрщиков на плантациях.

Общая методология изучения сдвигов в организации общественного труда, подобных тейлоризму, дана, повторяю, К.Марксом в 1 томе «Капитала». Насколько мне известно, никто из марксистов не сумел воспользоваться этой методологией в осмыслении тейлоризма. Иначе дело не свелось бы к обвинениям тейлоризма в чудовищной интенсификации труда. Хорош был бы и К.Маркс, если бы вместо анализа появления **нового типа работника** -

частичного рабочего, придатка машины, реально зависимого от капитала – выдал бы нам в «Капитале» сентенции насчёт того, что машина многократно увеличивает интенсивность труда!

То, что в тейлоризме дело не сводится к интенсификации труда, ясно отметил А.Грамши. Подход А.Грамши очень глубок и перспективен. Жаль, что он не был развит самим А.Грамши и не привлёк самого пристального внимания теоретиков организации труда. Думаю, подход А.Грамши ещё будет востребован, получит достойную оценку и достаточное развитие.

НАДО ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЁД – К СОЗДАНИЮ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Тейлоризм – наверное, первый крупный переворот в организации общественного труда, оставшийся не осмысленным наукой, Стоящей на классовых позициях трудящихся и эксплуатируемых. После него были фордизм, тойотизм, другие существенные перевороты в организации общественного труда. Они тоже слабо осмыслены (по большому счёту, вовсе не осмыслены) нашей классовой наукой.

Задача осмысления произошедших, происходящих и предстоящих существенных переворотов в организации общественного труда требует, по-моему, развития (создания) общей теории общественной организации труда.

Общая теория общественной организации труда, отталкиваясь от старинных (ещё смитовских и досмитовских) незыблемых положений о разделении и кооперации труда, могла бы обобщить и Марксовы исследования труда в «Капитале», и новации в организации труда на стадии позднего машинного производства, и те процессы, которые происходили в социально-трудовой сфере в течение XX века. По-новому раскрыв содержательное богатство (глубину) разделения и кооперации труда, общая теория общественной организации труда:

- научно выделила бы во всём массиве деятельности общественно организованный труд как общественно организованную и общественно полезную практику;

- исследовала бы структуру общественной трудовой практики; установила бы критерии принадлежности тех или иных видов деятельности к общественно организованной и общественно полезной практике;

- вывела бы к закономерностям формирования новых и прогрессивных социальных типов работников и вытеснения традиционных и устаревших их типов;

- сделала бы актуальной проблему структуры совокупного работника, развила бы сравнительный анализ структур совокупного работника по странам; теоретически начала бы разработки структуры совокупного работника в мировом хозяйстве;

- обосновала бы категорию «типы занятости» и вывела бы к закономерностям формирования и смены типов занятости;

- научно поставила бы проблему структуры занятий народа и мирового человечества.

На мой взгляд, только в контексте (в пространстве) примерно такой общей теории общественной организации труда могла бы быть удовлетворительно поставлена и решена проблема закономерностей порождения новых и ухода из общественного воспроизводства (и из жизни общества) прежних социальных типов работников.

ТЕЙЛОР И ТЕЙЛОРИЗМ – ГЕРОИ АНТИУТОПИИ

Писатели-фантасты называются фантастами не потому, что выдумщики, а потому, что обладают нечастым даром распознавать предвестье (симптом) судьбоносного Добра или Зла на огромном историческом расстоянии. По этому предвестью фантасты способны восстановить вероятную картину будущего, в котором предвестье стало доминирующим фактором.

Тейлоризм в пору его популярности (модности) тоже был воспринят как предвестье русским писателем Е.И.Замятым (1884-1937). Замятин создал антиутопию «Мы», которая всеми читателями второй половины XX

века воспринималась не иначе, как выявление сути и тенденций сталинского (и послесталинского советского тоталитарного) режима. На самом деле написанная в 1920 г. антиутопия «Мы» была вдохновлена модностью тейлоризма.

В Едином Государстве – этом идеально точно и безукоризненно рационально организованном пространстве жизни человек шаг за шагом потерял и теряет не только индивидуальные отличия, но и «ненужные» для его рациональной эксплуатации свойства. Герой (конструктор космического корабля, номер Д-503) с тревогой записывает в дневнике:

«Ясно: болен. Раньше я никогда не видел снов. Говорят, у древних это было самое обыкновенное и нормальное — видеть сны. Ну да: ведь и вся жизнь у них была вот такая ужасная карусель ... Но мы-то знаем, что сны - это серьезная психическая болезнь. И я знаю: до сих пор мой мозг был хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом, а теперь...

Бодрый, хрустальный колокольчик в изголовье: 7, вставать. Справа и слева сквозь стеклянные стены я вижу как бы самого себя, свою комнату, свое платье, свои движения — повторенными тысячу раз. Это бодрит: видишь себя частью огромного, мощного, единого. И такая точная красота: ни одного лишнего жеста, изгиба, поворота.

Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки — он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24. Но всё же как они могли писать целые библиотеки о каком-нибудь там Канте — и едва замечать Тэйлора — этого пророка, сумевшего заглянуть на десять веков вперед.

Кончен завтрак. Стройно пропет Гимн Единого Государства. Стройно, по четыре — к лифтам...»

Ну, чем не всеобщее распространение системы научного управления?

НАУЧНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

И ОТНОШЕНИЕ ОРГАНИЗАТОРА ТРУДА К ТРУДЯЩЕМУСЯ

Здравая идея, что любую работу надо делать с умом и с любым инструментом труда обращаться с умом, у Тейлора поднята на уровень выработки специальных прикладных наук. Так, наука о переноске чугунных болванок даёт экспериментальный вывод-закономерность. Наука о работе лопатой приводит и к законам оптимизации трудовых усилий, и к развитию “лопатного парка”, и к запрету артельной организации труда.

Тейлоровы науки о конкретных работах ставят вопрос о повышении доли научных исследований в организации труда, делают такие науки пригодными для самого трудящегося. Тейлор твёрдо стоит на позиции, что конкретная работа приобретает вид трудящейся пары - человек-механизм и научный организатор его труда. У Тейлора это обязательно, так как, по его понятию, рабочий туп, невежествен и т.п., сам не может быть настолько культурным, чтобы освоить науку о своём труде и самоорганизоваться, самоуправляться.

“Научное экспериментальное знание” - вот как Тейлор квалифицирует содержание своих наук о конкретных видах труда. НЭЗ способствует рационализации движений работников и варьированию инструментов работы. Инструментальное хозяйство становится культурным, то есть сложным (специализированным) и сопряжённым с трудом и со своим оперативным использованием в процессе труда.

Когда Тейлору отдают должное как великому исследователю-экспериментатору и рационализатору процессов труда, то имеют в виду именно отмеченные моменты, то есть внесение в организацию трудового процесса надёжного фундамента в виде научного экспериментального знания.

Но в тейлоризме есть ещё и другой компонент. Он касается, я бы сказал, концептуальных подходов к трудящемуся. Тейлоризм базируется на отношении к трудящемуся исключительно (или по преимуществу) как к орудию выполнения работы. Стандартный подход

предпринимателя к работнику не как к человеку, а как к рабочей силе усугубляется в системе Тейлора до степени допустимости действий по селективному подбору кадров, по дрессировке работников и в тенденции по выведению новой породы работника.

А.Грамши назвал это формированием нового психофизического комплекса работника, сопряжённого с насильственным отбором пригодных и насильственным выбраковыванием непригодных. А.Грамши полагал, что никакие усилия эксплуататоров и их “рационализаторов труда” не отнимут у работника человеческого свойства думать, чувствовать и понимать. Хорошо, если бы так. Однако фантасты антиутопий (Е.Замятин, Н. и Б.Стругацкие и др.) предвидят духовно-эмоциональное оскотление человека А практика тоталитаризма XX века (гитлеризм, сталинизм и др.) и наработки по зомбированию и психотронным воздействиям прорисовывают контуры, казалось бы, невозможной будущей реальности.

С позиций этих опасений нужно особенно внимательно присматриваться к тем аспектам тейлоризма, которые круто замешаны на фанатизме.

У Тейлора новый метод работы - это сумма лучшего из старых методов (85).

По-видимому, и более того - это сложение лучших фрагментов работы (наиболее успешных “движений”) из опытов разных работников. Такой механический (метафизический) гибрид принимается затем за цель. Казалось бы, такая цель заведомо должна быть недостижимой. А Тейлор её достигает. Более того, он утверждает, что она достижима в принципе, то есть не как исключение из правила, а достижима “как правило”. Но и этого мало. По смыслу тейлоризма, не существует ничего такого, что делало бы цель внедрения этого гибрида в производство недостижимой в каждом отдельном случае, во всех случаях без исключения.

В таком подходе - фанатическая компонента тейлоризма, тот фанатический ген, который свойствен всем без исключения новаторским системам организации труда и производства, взрожденным потребностями

укрепления хозяйственной власти капитала. Тейлоризм, возможно, был первой, а если не самой первой, то одной из первых систем, в которой генетическая социальная природа эксплуатации проявилась столь полно и откровенно - для капитала, столь поучительно - для эксплуатируемых трудящихся. Вот почему есть смысл не мимоходом отметить этот аспект, а обдумать его обстоятельно.

Мы говорим о фанатичной компоненте тейлоризма в строго научном значении этого понятия²¹. Односторонность не как оплошность мысли, а как кредо (основа миропонимания, подхода к реальности) - вот его сущностная природа. Нетерпимость ко всему, отличающемуся от избранной односторонности, - это уже производное, способ взаимоотношений с остальным обществом.

Разумеется, в разных сферах человеческих взаимоотношений фанатическая односторонность имеет разную степень остроты и разную рецептуру. Односторонность может состоять в игнорировании чего-то существенного, в решительном непризнании фактов, в отчуждённости от обычного и привычного порядка обсуждения проблемы, в драчливой задиристости, в ненависти к инакомыслию, в унижении оппонентов и т.д. и т.п. Порок изворотлив и многолик. У последователей Тейлора фанатизм выливался, надо думать, в пошлую прагматическую прямолинейность ревнителей прогресса, что и вызывало протесты и отпор. У самого Тейлора всё шло весьма гладко и в рамках дружбы работника и работодателя. Так почему же тогда я смею квалифицировать тейлоризм как новаторскую систему

---

²¹ *“Фанатичный” означает “свойственный фанатику”, проникнутый фанатизмом. “Фанатизм” происходит от латинских *fanum* (храм) и *fanaticus* (исступлённый). Фанатизм - страстная преданность своим убеждениям, соединённая с крайней нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям; религиозный фанатизм - исступлённая преданность своей вере и нетерпимость к чужим верованиям” (Словарь иностранных слов. - М.: “Русский язык”. 1982).*

организации труда и производства, содержащую ген фанатизма?

Заметьте, заметьте, пожалуйста, что я подчёркиваю: Тейлор и тейлоризм - не одно и то же. Тейлор как великий экспериментатор и прикладник в сфере рационализации производства и организации труда имеет право на понимание его одержимости и увлечённости предметом. Эта одержимость должна быть зачтена как смягчающее обстоятельство в определении меры ответственности учёного (творца) за неблагоприятные следствия результатов его деяний, подходов, мыслей. Тейлоризм как идеология, как система принципов - совсем иная реалия. Односторонность тейлоризма, а именно его расчёт на принуждение к прогрессу в организации труда и производства, сами методы вдохновляемых тейлоризмом действий, способы обращения с живыми людьми, его шкала ценностей - вот что формирует его фанатическую компоненту и заставляет опасаться этого фанатизма, думать о противоядии от тейлоризма, воспитывать социальный иммунитет к тейлоризму.

Ген фанатизма в тейлоризме тот же самый, что и в любой иной системе рационализации капиталистического производства как производства по своему характеру эксплуататорского. Это бесчеловечность, бездушие, обращение с человеком как со средством достижения не его (человека) целей, а целей той системы, которая его эксплуатирует, то есть держит в статусе социального донора. Кто-то скажет: за что же тут обвинять тейлоризм-то? Не он установил систему эксплуатации. А мы и не обвиняем тейлоризм, мы его внимательно изучаем с позиций своих классовых интересов - как новую разновидность системы эксплуатации. Только и всего.

Скажут: тейлоризм – не новая система, ей уже сто лет. Так-то оно так. Да только признак великого события и великой системы – глубинность его общественных корней, неслучайность его природы, а потому – недюжинная способность к мимикрии и рецидивам. В силу востребованности эксплуататорской системой не по форме, а по существу.

**ПРАВИЛА представления материалов и их публикации
в периодическом издании “ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА”**

1. Периодическое издание “Обществознание большинства” является научным обществоведческим изданием по преимуществу фундаментального профиля. Идеологическая направленность издания - развитие и пропаганда собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов.

2. “Обществознание большинства” издаётся на русском языке.

3. Материалы для публикации представляются их авторами на русском языке. Обязательно представление текста в электронном виде (на дискете или по E-mail по адресу: university-w@yandex.ru). Представление на бумаге тоже возможно, но не обязательно. Адрес: Периодическое издание “Обществознание большинства”, Проспект Вернадского дом 113 кв. 244. Москва Россия. 119571.

4. Представленные в издание и публикуемые материалы цензуре не подлежат.

5. Окончательное решение об отборе материалов для публикации принимает главный редактор конкретного выпуска. Редактор обязательно сообщает автору, принимается или не принимается к публикации представленный материал.

6. Развернутое рецензирование представленного материала и развёрнутая мотивировка его неприятия для публикации не осуществляются из-за отсутствия для этого у редакции сил и средств.

7. Материал, требующий литературного редактирования или содержащий значительное количество грамматических ошибок, может быть возвращён для приведения в соответствие с нормами русского языка и русского текста (правило касается только авторов, для которых русский - родной язык).

8. Текст печатается в том виде, в каком его представил автор. Редактор в праве предложить автору вариант редакции, если вариант не касается смысла. Автор в праве настаивать на своем варианте редакции. Редактор в праве сделать собственное примечание к тексту, если желает выразить своё отношение к смыслу сказанного автором. Однако автор в праве ответить на это примечание. Последнее слово остаётся всегда за автором. Но он в праве и не комментировать примечание редактора.

9. Редакция не выплачивает гонораров за статьи. Бесплатно автору предоставляются 10 авторских экземпляров выпуска, в котором напечатан его материал. Пересылка за счёт редакции.

10. Редакция надеется на отклики читателей и приветствует их. За редким исключением, редакция не печатает отклики и просто письма в редакцию, но чутко учитывает их в своей работе. Отклики передаются авторам статей. Редакция в переписку не вступает.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ
Пражской весны 1968 года**

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЛОВ,

**обращенных к рабочим, крестьянам, служащим,
ученым, работникам искусства и всем прочим**

Жизни нашего народа сначала угрожала война. Потом снова пришли скверные времена с событиями, которые угрожали его душевному здоровью и характеру. Большая часть народа с надеждой восприняла программу социализма. Но за её осуществление взялись не те люди. Скверно не то, что у них не было достаточно государственного опыта, специальных знаний или философского образования; пусть бы у них было больше мудрости, обыкновенной мудрости и добропорядочности, чтобы они были в состоянии выслушивать мнение других и позволили бы постепенно заменить себя более одарёнными людьми.

Коммунистическая партия, которая после войны завоевала у народа большое доверие, постепенно начала разменивать его на должности, пока не получила их все, и тогда у неё ничего не осталось. Мы должны прямо это сказать; это сознают и те из коммунистов среди нас, чьё разочарование результатами так же велико, как и у остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии идейного союза в орган власти, которая стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью. Их прилив сказался на характере и поведении партии; внутреннее её устройство было таково, что только пройдя через позорное превращение, честный человек мог приобрести в ней влияние; в ней не было людей, которые бы её могли удерживать на высоте современных задач. Многие коммунисты боролись против этого упадка, но им не удалось воспрепятствовать тому, что случилось.

Порядки коммунистической партии явились причиной и моделью таких же порядков в государстве. Её союз с государством привёл к тому, что исчезло преимущество глядеть на исполнительную власть со стороны. Деятельность государства и хозяйственных организаций не критиковалась. Парламент разучился обсуждать, правительство — управлять, а руководители — руководить. Выборы потеряли смысл, законы — вес. Мы не

могли больше доверять своим представителям ни в одном комитете, да если б захотели, то не могли бы от них ничего требовать, потому что они всё равно ничего не могли добиться. Еще хуже было то, что мы уже не могли верить друг другу. Личная и коллективная честь исчезли. Честностью добиться чего-либо было невозможно, а о вознаграждении по способностям нечего говорить. Поэтому большинство потеряло интерес к общественным вопросам и заботилось только о себе да о деньгах, причём даже и на деньги нельзя было полагаться. Испортились отношения между людьми, исчезла радость труда, короче, пришли времена, которые грозили духовному здоровью и характеру народа.

За наше нынешнее состояние ответственны мы все, а особенно коммунисты среди нас, главная, однако ответственность лежит на тех, кто были соучастниками или орудием неконтролируемой власти. Это была власть жестокой группы, распространяемая с помощью особого аппарата от Праги в каждый район и каждое село. Этот аппарат решал, кто что может или не может делать, он управлял кооперативами вместо крестьян, фабриками — вместо рабочих и народными комитетами — вместо граждан. Ни одна организация не принадлежала на самом деле её членам, даже коммунистическая. Главной виной и наибольшим обманом этих правителей является то, что свой произвол выдавали за волю рабочих. Если бы мы захотели поверить этой лжи, мы сейчас должны были бы считать виной рабочих упадок нашего хозяйства, преступления, совершенные над невинными людьми, введение цензуры, которая не давала писать обо всём этом, рабочие были бы виноваты в неразумных капиталовложениях, убытках торговли, нехватке жилплощади. Никакой разумный человек в подобную вину рабочих не поверит. Мы все знаем, а рабочие в особенности, что сами рабочие ничего не решали. Представителей от рабочих выдвигал на голосование кто-то другой. В то время, как многие рабочие думали, что управляют страной, на самом деле от их имени страной правила особая воспитанная прослойка деятелей

партийного и государственного аппарата. Фактически они заняли место свергнутого класса и сами стали новыми господами. Справедливости ради, однако, надо отметить, что многие из них сами давно разгадали эту иронию истории. Мы узнаём их сейчас потому, что они устраняют несправедливость, исправляют ошибки, возвращают членам организаций и гражданам право решать, ограничивают компетентность и численный состав чиновничьего аппарата. Они вместе с нами выступают против отсталых взглядов.

<...>

Но большая часть чиновников пока ещё сопротивляется и обладает весом! У неё в руках пока ещё средства власти, особенно в районах и на местах, где она может ими пользоваться скрытно и не рискуя быть привлечённой к суду.

С начала нынешнего года мы находимся в возродительном процессе демократизации. Этот процесс начался в коммунистической партии. Мы должны об этом прямо сказать, и об этом знают даже те беспартийные среди нас, которые от партии уже ничего хорошего не ждали. Следует, однако, добавить, что этот процесс и не мог начаться в другой организации. Ведь только коммунисты могли в течении 20 лет жить хоть какой-то политической жизнью, только коммунистическая критика присутствовала там, где принимались решения, только оппозиция в компартии обладала тем преимуществом, что находилась в контакте с противником. Инициатива и усилия демократических коммунистов являются поэтому не более, чем платежом в погашении долга всей партии перед беспартийными, которых она держала в неравноправном положении. Поэтому благодарить компартию не за что, ей следует, может быть, признать, что она часто старается использовать последнюю возможность сохранения своей чести и чести своего народа. Процесс возрождения не несёт в себе чего-либо нового. Он несёт мысли и предположения, многие из которых старше, чем ошибки нашего социализма, другие же возникли над поверхностью видимых событий, они должны были быть давно

высказаны, но подавлялись. Нечего строить иллюзии, что эти мысли побеждают теперь силой правды. Их победе скорее благоприятствовала слабость старого руководства, которое, по-видимому, сперва должно было устать от 20-летнего господства без каких-либо помех. Видимо, сперва должны были окончательно созреть все ошибочные предпосылки, скрывающиеся в основах идеологии этой системы. Так что не стоит преувеличивать значение критики со стороны студенчества и писателей. Источником общественных изменений является экономика. Правдивое слово хорошо тогда, когда оно предварительно подготовлено условиями. Под предварительно подготовленными условиями в нашем случае, к сожалению, надлежит понимать нашу бедность и полный развал той системы правления, когда политики определенного типа могли спокойно и неспешно компрометировать себя. Итак, правда не побеждает, правда просто остается, когда прочее уже разбазарено! Следовательно, нет повода ко всенародному ликованию, есть только повод к новой надежде.

Мы обращаемся к вам в этот миг надежды, которая, однако, пока ещё в опасности. Потребовалось несколько месяцев, чтобы многие из нас поверили, что могут высказаться, а многие не верят до сих пор. Но мы уже столько сказали и столько открыли, что ничего не остаётся, как довести до конца наше намерение очеловечить этот режим. Иначе реванш старых сил был бы слишком жестоким. Мы обращаемся прежде всего к тем, кто до сих пор только выжидал. Время, которое наступает, решает нашу судьбу на многие годы.

Наступает лето с каникулами и отпусками, когда мы по старой привычке захотим всё бросить. Но право же, наши уважаемые противники не позволят себе отдыха, они начнут мобилизовывать своих людей, тех, которые обязаны им, с тем, чтобы уже сейчас обеспечить себе спокойное Рождество. Постараемся внимательно следить за происходящим, стараться уразуметь и ответить на это. Откажемся от неисполненной надежды на то, что кто-то более высокопоставленный даст нам единственно

правильное толкование происходящего и единственное решение. Пусть каждый делает свои собственные выводы, на свою ответственность. Приемлемое для общества решение можно найти только в дискуссии, для которой нужна свобода слова, которая, собственно, есть единственное достижение этого года.

К тем дням которые нам предстоят, мы должны идти с собственной инициативой и с собственными решениями.

Прежде всего, мы будем противостоять мнению, что можно совершить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или вопреки им. Это было бы не только несправедливо, но и неразумно. У коммунистов созданы организации, прогрессивное крыло оных нуждается в нашей поддержке. У них есть опытные функционеры, у них всё ещё в руках решающие рычаги и кнопки. Как бы то ни было, они предложили обществу программу действий, которая одновременно является программой первого исправления крупнейших несправедливостей, а ни у кого другой такой программы нет. Нужно требовать, чтобы они предложили свою программу местных действий общественности каждого округа, каждого села. И здесь мы поведём речь о вполне естественных и правильных действиях, которые так давно идут. Компартия готовится к съезду, который должен избрать новый ЦК. Потребуем, чтобы он был лучше старого. Если компартия сегодня говорит, что свою руководящую роль в будущем она намеревается опирать на доверие граждан, а не на насилие, то мы должны этому верить в той мере, в какой мы можем верить тем людям, которых уже сейчас она направляет в качестве делегатов на районные и областные конференции.

В последнее время люди обеспокоены тем, что темп демократизации замер. Это впечатление является отчасти проявлением усталости от волнующих событий, отчасти соответствует фактам: пришёл сезон неожиданных разоблачений, отставок с высоких постов и опьяняющих выступлений необыкновенной словесной смелости. Борьба сил, однако, лишь стала менее видимой, но она идёт — борьба за содержание и текст законов, за диапазон

практических мероприятий. Кроме того, новым людям - министрам, прокурорам, председателям и секретарям - необходимо дать время поработать. Они имеют на это право, им нужно время, чтобы показать себя то ли с хорошей, то ли с плохой стороны. Кроме того, от центральных политических органов нельзя теперь и ожидать большего. Они и так проявили неожиданные удивительные добродетели.

Практическое качество будущей нашей демократии зависит от того, что будет происходить с предприятиями и на предприятиях. При всех наших дискуссиях нас держат в своих руках наши хозяйственники. Хороших экономистов надо искать и всячески пробивать на ведущие посты. Правда, что по сравнению с развитыми странами нам плохо платят (а некоторым еще хуже). Мы могли бы потребовать больше денег — их легко напечатать и тем самым обесценить. Давайте лучше требовать у директоров и председателей, чтобы нам объяснили, что и по какой цене хотят производить, кому и почему продавать, сколько кто заработает, сколько денег уйдёт на усовершенствование производства, сколько можно будет распределить. В газетах под нудными, на первый взгляд, заголовками мы видим картину жестокой борьбы за демократию или за кормушку. Рабочие, как производители, могут оказать влияние на исход борьбы, смотря по тому, кого они изберут в производственные советы. Лучше всего им, как рабочим, будет, если они изберут в профсоюзные органы своих естественных вожаков, способных и честных людей, независимо от их партийной принадлежности.

Но если от теперешних центральных политических органов нельзя сегодня ожидать большего, то надо добиться большего в районах и селах. Надо требовать отставки лиц, которые злоупотребляют своей властью, нанесли ущерб общественному имуществу, действовали нечестно и жестоко. Надо придумывать способы заставить их уйти. Например: публичная критика, резолюции, демонстрации, сбор подарков для них при уходе на пенсию, демонстративные субботники, забастовки, бойкотирование их дверей. Однако надо отвергнуть

грубые, незаконные и нечестные приемы борьбы, потому что они могли бы использовать их для воздействия на Александра Дубчека. Наше отвращение к писанию грубых писем должно быть столь всеобщим, чтобы каждое такое письмо, которое они получают, можно было считать письмом, которое они прислали сами себе. Оживляйте деятельность Народного фронта. Требуйте публичных заседаний Народных комитетов. Создавайте гражданские комитеты и комиссии для решения тех вопросов, которые никто не хочет решать. Это просто: собирается несколько человек, выбирают председателя, исправно ведут протокол, публикуют свое заключение, требуют решения, не дают себя запугать; районную и местную печать, которая в большинстве случаев дегенерировала до уровня бюрократической дудки, надо превратить в трибуну всех положительных политических сил, создавать редакционные коллегии из представителей Национального фронта или же основывать новые газеты. Создавайте комитеты по защите свободы слова. Собираясь на собрания, организуйте свою собственную службу охраны порядка. Услышав тревожные новости, проверяйте их, направляйте делегации в компетентные органы, их ответы публикуйте хотя бы на заборах. Оказывайте поддержку органам безопасности, когда они преследуют настоящих преступников. Нашей целью не является вызвать безвластие и состояние всеобщей неуверенности. Избегайте распрей между соседями, не обсуждайте политических вопросов под пьяную руку. Разоблачайте доносчиков.

Оживленное движение летом по всей стране вызовет интерес к упорядочению государственно-правовых отношений между чехами и словаками. Федерализацию мы считаем одним из способов решения национального вопроса, и все же это только одно из мероприятий, направленных на демократизацию нашей жизни. Это мероприятие само по себе может и не принести словакам лучшую жизнь. Завести отдельный режим для чехов и словаков — это ещё не решение вопроса. Власть партийно-бюрократического аппарата в Словакии может

при этом сохраниться во всей силе, раз она “завоевала большую свободу”.

Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил. Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своём, не поддаваться на провокации. Своё правительство мы можем заверить в том, что будем следовать за ним даже с оружием в руках, лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия, а своих союзников мы можем заверить, что союзнические, дружеские и торговые отношения выполним. Наши раздражённые обвинения и неаргументированные подозрения только затрудняют положение нашего правительства и делу не помогут. Равноправные отношения мы сможем обеспечить только при условии, что улучшится наше внутреннее положение, а процесс возрождения зайдёт так далеко, что на выборах удастся избрать таких государственных деятелей, у которых будет столько смелости и чести, политического ума, что их хватит, чтобы установить и отстоять такие отношения. Это, между прочим, является проблемой для всех без исключения малых государств во всем мире!

Весной этого года, как и после войны, мы стали перед новыми возможностями. У нас есть снова возможность взять в свои руки наше общее дело, рабочее название которого — социализм, и дать ему форму, которая будет лучше отвечать нашей когда-то доброй славе и тому относительно хорошему мнению, которое мы имели сами о себе. Эта весна окончилась и больше не вернется. Зимой мы узнаем все.

Этим кончается наше послание рабочим, крестьянам, чиновникам, людям искусства, ученым, техникам и всем прочим. Оно было написано по инициативе ученых. Подписи не суть полный перечень согласных с нами, это лишь образец людей из разных слоев общества, согласных с письмом, — тех, кого мы смогли застать дома. Часть подписей по алфавиту:

Бено Блахут, засл. деят. иск., Пражский оперн. театр;
проф. Ян Брод, дир. ин-та болезней органов

кровообращения в Праге; акад. Б. Будховский, математик; д-р И. Цвекл, философ; Вера Чаславска, олимп. чемпионка; Зд. Чехрак, художник; Эд. Фиала, техник; инженер и писатель Иржи Ганзелка; М. Полубь, микробиолог, д-р. наук; Р. Грушинский, артист и режиссер; Я. Ириш, режиссер; В. Юркович, проф., интернист; Кадлепова, проф., окулист; Доп. Кноп, педагог; К. Косик, философ; акад. Я. Коутенок, геолог; Э. Петырек, дир. Горного ин-та АН; Паткова, адвокат; проф. П. Лукин, интернист; инженер О.Г. Поупа, физиолог; проф. Я. Прохазка, хирург; И. Решка, олимп. чемпион; И. Сухи, поэт; И. Шлитр, композитор; И. Топол, писатель; Людвиг Вацулик, журналист (автор этого текста); полковник Эмиль Затопек, олимпийский чемпион; Дана Затопкова, олимпийская чемпионка; И. Загата, агроном и т.д. Всего 70 подписей.

Источник: самиздатская рукопись. Напечатано в издании “Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е - 1980-е” (Под общей редакцией В.В.Игрунова. Сост.: М.Ш.Барбакадзе) Том 2. - М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. 2005. Стр. 302-307.

Некоторые пояснения

«Две тысячи слов...» - один из самых известных и влиятельных документов антитоталитарной революции в Чехословакии, получившей название “Пражская весна”. По форме и первоначальному замыслу - это обращение (послание) к широким слоям народа тех, кто подписал текст, написанный весной 1968 года чешским журналистом (писателем) Людвигом Вацуликом. Сперва таких подписавших было 70 человек, а потом - всё больше и больше, так что в итоге общее число подписей не смогли точно подсчитать. Благодаря этому из обращения к народу “Две тысячи слов...” превратились в выражение воли и мнения народа, в народный манифест. “Две тысячи слов...” стали одной из форм демократической самоорганизации широких слоёв населения, формирования общественного сознания и укрепления решимости солидарно действовать во имя “социализма с человеческим лицом”.

“Две тысячи слов...” - замечательный памятник

общественной мысли (общественного сознания) в том её состоянии, когда она активизируется в ситуации деформации социализма. Эта деформация характерна тем, что складывается и воспроизводится противоречие между фактической направленностью и способами общественного развития и массово распространёнными господствующими общественными идеалами.

В тоталитарных обществах советского типа в 1950-1970-х годах (в том числе и особенно в Чехословакии) господствующим в общественном сознании большинства (и официально декларировавшимся) идеалом) был идеал социализма. “Две тысячи слов...” констатируют (и эта констатация подписана миллионами чехов и словаков): “Большая часть народа с надеждой восприняла программу социализма”. Совершаемый Пражской весной 1968 г. процесс обозначается как процесс возродительный: “Весной этого года, как и после войны, мы стали перед новыми возможностями. У нас есть снова возможность взять в свои руки наше общее дело, рабочее название которого — социализм”. Вскрывается существо деформаций, прежде всего - отстранение народа от власти, монополия на власть правящей партии. Отсюда и магистральное содержательное направление возрождения социализма - демократизация.

“Две тысячи слов...” замечательны и тем, что формулировали и вносили в массовое народное сознание принципиальный план народных действий, обеспечивающих демократизацию и практическое возвращение социализму гуманистического начала (“человеческого лица”). Это был практический план действий народа в мирной общенародной антитоталитарной революции. Важно не забывать, что план этот реально действовал в Чехословакии до её оккупации СССР в августе 1968 г.

“Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил, - отмечается в “Двух тысячах слов...”. - Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своём, не поддаваться на провокации. Своё

правительство мы можем заверить в том, что будем следовать за ним даже с оружием в руках, лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия...”

В СССР была развёрнута ярая пропагандистская кампания, всячески порочащая “Две тысячи слов...”. Ни сам документ в целом, ни изложение его, ни даже отрывки из документа в СССР не публиковались - одни ругательства в адрес его авторов. “Две тысячи слов...” распространялись в самиздате.

Б.В.Ракитский

Библиотека обществознания большинства

Герцен Александр Иванович

Крещёная собственность. – В Собрании сочинений А.И. Герцена в 30 томах, том XII. М.: 1957. Стр. 94-117.

Радищев Александр Николаевич

Путешествие из Петербурга в Москву. – Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат. 1952. Стр. 49-214.

Изложение учения Сен-Симона – М.: Изд. АН СССР. 1961. 608 с.

Томас Карлейль

Французская революция. История – М.: Изд. «Мысль» 1991. 575 с.

*Ракитский
Борис Васильевич*

ВЫЗРЕВАНИЕ ПРЕДМЕТА

Становление научного видения социальной проблематики и развитие теории социальной политики

ОБЩЕИЗВЕСТНОЕ

Как только дело касается так называемых социальных проблем (“социалки”, социальной сферы, социальной ориентированности, социального обслуживания, социального хозяйства и т.п.), тотчас обнаруживается, что современное поколение - наследник и пользователь двух мыслительных подходов (и традиций). Один подход - отрывать социальное от экономического, другой - не только отрывать, но по сути и поглощать или подменять социальное экономическим.

Конкретнее. Большинство из нас выросло в СССР, в котором методологической закваской официальной идеологии и общественных наук был экономический материализм. С этих позиций трактовался примат производства. Социальная проблематика оказывалась как бы производной от главной - от уровня и скорости развития производства, а то и ещё грубей - от развития производительных сил. “Чтобы распределить и потребить, надо сначала произвести”, “отрасли просвещения, здравоохранения, культурного обслуживания и т.п. - непроизводственная сфера, они не создают, а только расходуют национальный доход” - эти и им подобные аксиомы хорошо известны советским людям и советским экономистам. Отсюда и общая формула социальной политики в условиях СССР - “забота партии и правительства о благе народа”. Забота состоит в том, что часть экономических ресурсов направляется на поддержание и рост благосостояния, то есть на народное потребление. Разумеется, рост благосостояния “оказывает обратное влияние”, то есть способствует росту производства.

В последние 15 лет либеральные экономические воззрения, заступившие на вахту государственной идеологии, не отринули, а преобразовали на свой лад экономический материализм. Теперь не производство (не материальное, даже не всё реальное производство), а Рынок стал фундаментом общественного развития, а социальное приписано к “нерыночному сектору”. Правда, то

социальное, что касается деятельности частного бизнеса - цены труда, страхование, коммерческое (платное) образование, платная (нестраховая) медицина, коммерческая культура, жилищное хозяйство, коммунальное хозяйство и т.п. - отнесено к рыночному сектору, поглощено сферой, о которой принято говорить сугубо на языке бизнеса. То есть видеть сквозь призму проблем фирмы, а не общества.

Создавшаяся мешанина подходов - дело временное, преходящее. И возникающая в связи с этим мыслительная и текстовая суеда в общем-то не мешает развитию научно строгих знаний, разве что несколько задерживает его. Благо, и практика не торопит: российское руководство не выказывает нужды в глубоких научных разработках социальной проблематики, полагается на свои обыденные представления о неотложных мерах, не востребует серьёзных отечественных научных заделов по социально-трудовой и социально-политической проблематике. Время от времени составляются (в закрытом или полужакрытом режиме) программы, основанные на рафинированных либерально-фундаменталистских подходах («Программа Г.Грефа» 2000 г., например). Вот уж 10 лет, как серьёзные дискуссии о проблемах благосостояния в России прекратились в силу полного неприятия практикой отечественных разработок. Настойчивые попытки академика Д.С.Львова повсюду бить тревогу и ставить социальные вопросы (о достойном национальном уровне зарплат, например) вызывают раздражение (и это однажды хамски продемонстрировал на всю страну В.В.Познер в своих «таких вот» «Временах»).

А наработано ли что-либо серьёзное, научно ценное в так называемой социальной проблематике? Нарботано. И похоже даже, что отечественные разработки лидируют в пространстве мировой науки о социально-трудовых и социально-политических проблемах.

СОЦИАЛЬНОЕ КАК ПРЕДМЕТ ПРАКТИЧЕСКОГО И ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА

Всё реально существующее в обществе - общественные реалии. Они отражаются (научно осознаются) в категориях, понятиях. Разветвлённость (специализированность) категориального (понятийного) научного аппарата характеризует степень развитости той или иной отрасли науки. А строгость применения понятий в рассуждениях об общественных реалиях демонстрирует уровень мыслительной культуры.

Так вот: научные знания о социальном, о социально-трудовом, о социально-политическом находятся пока что на той стадии развития, когда категориально-понятийный аппарат формируется, ещё не окреп, не стал органически целостной системой, не обрёл диалектической гибкости (то есть методологической устойчивости). Он по-метафизически прямолинеен, фрагментарен и ломок при столкновении с реальностью. Отсюда и повышенная эклектичность (мешанина) суждений о социальных реалиях, и многосмысленность (иероглифичность) большинства понятий.

Сами понимаете, какая при этом может быть мыслительная культура. Публикаций о социальном - море. Но выудить в нём золотых рыб истины крайне затруднительно. Из нескольких на вид золотых живой оказывается одна, хорошо, если две. Предстоит культивировать научные знания о социальном, а до того - элементарно упорядочить.

Бывает, погрузишь о тоталитарных временах, когда в Отделе науки ЦК КПСС при острой необходимости или в порядке какого-нибудь планового мероприятия определялось, что есть истина, а что - теоретическая ошибка.²² Но и порадуешься при этом. “В момент истины

---

²² Не надо огульно чернить прошлое и изображать партийное руководство общественными науками как исключительно командно-карательное. Помню, в перестроечные времена (1987) один из руководителей Отдела науки ЦК КПСС, давая нам задание, так поощрял нашу научную смелость и пытливость: “Научный поиск, мы понимаем, дело творческое. И мы считаем, что учёный имеет право на ошибку. Не так ли?” Это “не так ли?” предполагалось как вопрос риторический. Но ослабила уже

человек одинок” (Г.Г.Маркес). А в условиях, когда истина назначается сверху, ты не просто одинок - ты со своей живой золотой рыбкой надёжно изолирован от общества.

Элементарное упорядочение накопившихся (навороченных?) суждений и представлений о социальном, о социально-трудовом, о социально-политическом может основываться на выработке системно увязанных фундаментальных работоспособных понятий (категорий, закономерностей). Среди этих понятий, несомненно, окажется и понятие “социальное”. Хотя бы потому, что словечко “социальное” когда и ответственно, а чаще беспечно припечатывается к очень и очень многому в рассуждениях о реалиях общественной и экономической жизни.

Обсудим же социальное как научное понятие.

Мы уже более или менее освоили понятия “общественная реалья” и “сфера”. Сфера - область распространения тех или иных общественных реалий, составляющих не содержательную структуру, а скорее общественную форму процесса. К примеру, процесс труда - это (по своему содержанию) преобразовательная (практическая) деятельность, сообразуемая с целями, использующая соответствующие средства, способы и дающая общественно-полезный результат. Но трудятся не робинзоны, а общественно существующие и общественно организованные люди. Общественная форма труда существенна не в меньшей мере, чем его общественно-практическое содержание. Поэтому отношения складываются не просто трудовые, а всегда социально-трудовые. И отношения эти, отражая место труда в жизни общества, распространяют свою существенность далеко за пределы собственно процесса труда. Человек уж много лет не трудится, а пенсия у него трудовая (не чета социальной помощи или поддержке от общественных или

перестройка единство партии и науки. Нашёлся один, испортивший взаимопонимание. “Конечно, не так! - полез он на рожон. - Учёный никогда не примет права на ошибку, поскольку это означало бы отказаться от права на истину”.

благотворительных щедрот)²³. И потребности бывшего трудящегося, а ныне общественного иждивенца развиваются, оказывается, в тесном соотношении с потребностями продолжающих трудиться. Так что процессы социального резервирования (страхования) и пенсионирования испытывают существенное влияние социально-трудовых отношений. Существенное влияние этих отношений испытывают процессы формирования многих видов доходов, навыков и занятий, образования, здравоохранения, культурного обслуживания, коммунального обслуживания, ряда иных стандартов жизнедеятельности, общественные нравы, обычаи и традиции, общественная психология и т.д. Даже в трудовом законодательстве появилось понятие “труд и непосредственно связанные с ним отношения”. А ведь есть ещё и опосредованно связанные с трудом отношения и содержательные реалии.

Практика общественной организации, управления и регулирования среди других своих потребностей сформировала и потребность ориентироваться в совокупности взаимосвязей труда с иными содержательными общественными процессами, сущностными отношениями и организационными формами (институтами). Если постараться выполнить этот социальный заказ практики и охватить одним понятием труд, а также непосредственно и опосредованно связанные с ним общественные реалии (процессы, отношения и институты), то и потребуются такое научно строгое понятие, как социально-трудовая сфера, то есть сфера

---

²³ *Кстати сказать, череда государственных афёр в реформировании пенсионного дела в России, начиная с 1991 года (от образования Пенсионного Фонда России), основана на отрицании трудового характера пенсий, назначаемых трудящимся по старости. Общество усиленно приучают (и уже приучили) к мысли, что пенсионер по старости из числа проработавших 20, 25, 30, 40 лет - иждивенец ныне работающего поколения. Отсюда перманентный госаппаратный бред о старении населения как о якобы объективной причине позорной мизерности пенсий и основании для повышения возраста выхода на пенсию.*

существенного (общественно значимого) влияния социально-трудовых отношений.

Но понятие “сфера” (область распространения общественно-значимого влияния), на мой взгляд, не подходит для выстраивания научной категории “социальное”. Понятие “социальная сфера” - это, пожалуй, годится, если понимать как “сфера распространённости общественно значимого влияния социального”. Но что такое само это социальное, влияние которого распространяется, образуя сферу?

“Язык знает, как сокращать”, - сказано А.И.Солженицыным о понятии “рабсила” при массовом принудительном труде. Язык же знает и как обобщать, выделяя и даже выпячивая определяюще-существенное. Прислушаемся и услышим подходящее, точное: **человеческое измерение**. Слово “измерение”, применённое и к людскому обиходу, и к масштабным общественным процессам, позволяет, как выражаются профессиональные философы, **ухватить** специфику того места, которое занимает “социальное” во всей совокупности общественных процессов.

Одно измерение - для линии, два - для площади, три - для тела. Время, вектор, скорость, ускорение. Всё это - в физике, изучающей форму движения материи, намного более простую, нежели общественная реальность. Общество как реальность - многомерно. Социальное - одно из измерений сложной общественной реальности и её динамики. При этом, как покажу ниже, для описания статических (то есть абстрактных) состояний общества социальное измерение требуется мало, если требуется вообще. Описание же общественной динамики (то есть реального состояния общества) не может быть достаточно глубоким и точным (по меркам практических нужд) без вовлечения социального как измерения.

Исходный момент социального измерения - ценностное отношение человека (человечества) к окружающему миру (знаменитое “окружающий мир не устраивает человека, и человек решает его изменить”). Обживание природы, окружающего мира путём его

преобразования - таков способ существования человечества в мире (в природе) по законам этого мира (природы). Преобразующая деятельность (жизнь общества в природе) имеет некоторое множество наиболее существенных разновидностей взаимодействия: пространственное, ресурсное, экологическое и др. Каждая из этих разновидностей взаимодействий человечества с преобразуемой (обживаемой) природой может быть воспринята как особенное измерение социума - экологическое, ресурсное, пространственное и т.п.

Но динамика социума включает в себя не только аспекты возможностей (природных предпосылок и ограничений), но и аспекты целей и результатов. **Ценностное отношение социума к миру (а точнее - к целям и результату своего преобразующего взаимодействия с миром) - вот реальное (предметное) содержание социального измерения общественной динамики.** Говоря проще, социальное как измерение - это **значимость** общественной практики для достижения целей социума. Социальное измерение отвлекается от того, что и как именно делается, оно сосредоточено на том, какое это имеет или будет иметь значение (насколько значимо) для достижения целей социума. К примеру, социальное измерение производства состоит не в его объёмах, темпах роста, отраслевой структуре, производительности и тому подобных сугубо экономических, технико-технологических, организационных характеристиках, а в значимости всего этого, вместе взятого, для налаживания и обеспечения жизнедеятельности нынешнего и будущего поколений.

Понятно, что это выглядит слишком общо. Но так и должно выглядеть обозначение сущности, указание на отличительную (конституирующую) качественную особенность того или иного общественного явления или процесса. Попробуйте научно строго определить понятия “экологическое”, “ресурсы”, “экономическое” и подобные им. Вы убедитесь, что сущностные их определения покажутся слишком общими, неожиданно абстрактными (как бы раздетыми). Восходя от сущностных (простых,

абстрактных) определений к содержательным, наука развивает (конкретизирует) их, сохраняя строгое соответствие сущности и идя навстречу нуждам практики. Понятие “социальное” обретает при этом такие содержательные характеристики, как социальная направленность, социальная безопасность, социальная эффективность, социальная справедливость, социальная допустимость, социальные ограничения (недопустимость), социальное предназначение, социальный прогресс, социальная деградация и т.п.

Понимание социального как одного из измерений социума означает, что социальное не есть некий отдельный сегмент социума, а качество, присущее социуму в целом и всем без исключения его составным частям и процессам. Социальное есть один из аспектов, в котором существуют и социум в целом, и все его составные части. Социум в своей практике обращается к своему социальному измерению и к социальному измерению своих составных частей и процессов.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМА

Одна из практических нужд социума - целеполагание. Обеспечение целенаправленности общественной практики - обширная проблема. Для задач нашего рассмотрения достаточно установить, что не производство, не производительные силы, не техника и технологии порождают цели развития общества,²⁴ а, напротив, общество ставит перед собой цели и приводит производство, технику и т.п. в состояние целесообразного функционирования. Выработка целей развития общества; процессы, механизмы, организационные формы реализации этих целей; установление значимости результатов для достижения целей - все они,

---

²⁴ Как это ни дико, у экономических детерминистов получается именно так и именно в этом духе трактуется пресловутый примат производства. Приходится признать, что знаменитое “Предисловие” К.Маркса к “К критике политической экономии” сильно деформировало сознание немалою числа политэкономов.

рассмотренные социально (взяты в социальном измерении), есть социальное развитие. Можно то же самое сказать и по-другому: **развитие социума (в целом и его составных частей), взятое со стороны его значимости для налаживания и обеспечения жизнедеятельности нынешнего и будущего поколений, есть социальное развитие.**

Но именно “взятое со стороны его значимости” - никак иначе! В литературе имеется явно выраженная трактовка понятия “социальное развитие” как тождественное понятию “развитие общества”²⁵. Этой трактовке полностью недоступно то ценное, что ухватывается предложенным выше понятием “социальное” в смысле социального измерения. Ибо отождествление социального развития с развитием социума (общества) поглощает то измерение социума, которое требуется выделить - измерение социальной значимости (или социальной предназначенности) развития общества.

Точно так же недоступно понимание социальной значимости происходящих процессов и другой трактовке социального развития - аппаратной трактовке социального развития как развития социальной сферы, то есть - некоторого сектора аппаратно-управленческой работы, сгруппированной в департамент социального развития. Не всё общество попадает в поле управления такого департамента, а те “решаемые вопросы”, которые касаются проблем благосостояния населения, а то даже и ещё проще и уже - не проблем, а намечаемых мер в области благосостояния. В “департаментской” трактовке социального развития не стоит и заведомо не может стоять вопрос о развитии общества в целом и его крупных составных частей именно как частей этого целого (то есть не в отрыве от целого, а в контексте актуального

---

²⁵ А.Б.Докторович осуществил объёмную реферативную работу и отразил существо такой трактовки - отождествление социального развития с развитием общества (у него - “социальной системы”). См. “Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения”. Гл.14. - М.:КНОРУС. 2005.

взаимовлияния частей и целого). “Департаментская” трактовка социального развития формирует, можно сказать, исполнительское видение этого развития, видение через призму “порученного для проведения в жизнь” в рамках более ёмких решений выше стоящего и шире смотрящего органа власти. Такова логика разделения функций в государственном управлении. Она подлежит уважению и укреплению, но не следует превращать эту трактовку в фельдфебеля, исполняющего обязанности Вольтера²⁶.

Разовьём понятие “социальное развитие”, основанное на представлении о социальном как особенном измерении общественных процессов. В чём именно особенный содержательный смысл социального измерения? То есть в каких содержательных понятиях конкретизируется сущность социального - **значимость** общественной практики для достижения целей социума?

Методологический (культурно-мыслительный) водораздел при разработке ответов на эти вопросы проходит по линии определения задающего начала в общественном развитии. Один подход базируется на понимании экономики (хозяйства) как задающего начала. Сюда относятся разнообразные экономико-материалистические трактовки примата производства, соотношения базиса и надстройки, принципы остаточного

---

²⁶ Сначала было смешно, когда формулировки ряда понятий, наработанные в комитетах ГосДумы и “проголосованные” при принятии законов, воспринимались в научной литературе как научные дефиниции. К чести наших дружных и очень плодovitых законодателей, они не мнили себя Вольтерами. Они в продуктах своего интеллектуального труда, давая определение понятий, не забывают помечать границы их исторического распространения: они пишут - “для целей настоящего закона”. Но вот выходит, допустим, “Экономическая энциклопедия” (Изд. “Экономика”, 0000), битком набитая формулировками законодателей вместо научных дефиниций, другие справочные издания, учебники, а теперь уже - и диссертации. И теперь уже не смешно, ибо место Академии наук и университетов заняли думские комитеты и подкомитеты, место Вольтеров - фельдфебеля.

распределения ресурсов на социальные нужды, либеральные подходы, ставящие интересы частного предпринимательства выше интересов общества, а интересы общества - в зависимость от интересов и деятельности частного предпринимательства. Другой подход основывается на целостном видении общества и его развития и задающим началом считает целообщественные социальные цели и всю совокупность социальных целей.

При первом подходе социальные проблемы оказываются **социальными последствиями** многих факторов - и научно-технического прогресса, и темпов экономического роста, и экологических, и геополитических процессов, и т.д. и т.п. Социальное же развитие при этом подходе - это результат смягчения, рассасывания, компенсирования, иногда блокирования этих последствий, то есть то или иное реагирование на социальные последствия действия задающих факторов. Вся деятельность региональных и муниципальных органов власти (в отличие от федеральных) в социальной сфере, начиная с 1992 г., демонстрирует именно такой подход - решение социальных проблем, возникших из-за грабительской приватизации, шокового характера реформ, беспредела в хозяйствовании, сначала в “меру финансовых возможностей”, а теперь - в меру субъективно ограниченных федеральных государственных щедрот.

При втором подходе социальные проблемы суть **коренные и задающие стратегические проблемы** развития общества, а социальное развитие - комплекс задающих характеристик (параметров), следовать которым должны и вынуждены и капитал, и исполнительная власть, когда они организуют экономическую, социальную, культурную, научную, образовательную сферы общества.

Социальное измерение наличествует при любом подходе. Но содержательные характеристики при разных подходах существенно разные. В одном случае получается “департаментская” трактовка и “департаментское” содержание этих характеристик. В другом - существенно (качественно) отличные трактовка и содержание. Ниже

будут изложены содержательные характеристики социального развития, исходящие из представлений о **задающей роли** социального измерения в развитии общества.

Выделим важнейшие из таких содержательных характеристик.

Первая - социальная стратегия (социальная направленность). Социальная стратегия - генеральное решение системы социальных проблем страны на данном конкретно-историческом этапе ее развития. Наличие стратегии социального развития - нормальное для общества состояние. Оно означает объективно необходимую меру целенаправленности социального развития. В нетипичных (но возможных) ситуациях (обычно - при слабой государственной власти) социальная направленность общественной динамики может складываться стихийно, что неизбежно оборачивается историческим пробуксовыванием страны.

Социальное развитие России 1990-2000-х годов направляется продуманной, сильной и последовательной стратегией государства.

Вторая - социальная безопасность. Социальная безопасность стоит в одном ряду с национальной безопасностью (надёжное противостояние угрозам исторического сохранения народа и нарушения его нормального развития) и государственной безопасностью (защита устойчивости сложившегося государственного строя) и сопряжена с ними. Социальная безопасность есть свойство устойчивого социального состояния. Устойчивым называется такое состояние и такое развитие социальной структуры общества, при которых взаимодействия социальных сил протекают в русле социальных эволюций. Революционные ситуации и революции не являются состояниями социальной безопасности.

Третья - приоритет социального созидания. Эту характеристику вполне правомерно называть приоритетом (или обеспечением) социального прогресса. Однако понятие социального прогресса является относительным, да к тому же отсутствуют общепризнанные критерии

социального прогресса. Понятие “приоритет социального созидания” более предметно обозначает одну из неперенных содержательных характеристик социального развития. В реальном историческом процессе одновременно происходят разрушение сложившегося и созидание жизнеспособного нового. Крайне существенно их соотношение. Нормальному социальному развитию (благоприятному по меркам социальной безопасности и национальной безопасности) свойственно превосходство созидательных социальных процессов над разрушительными. С особенной очевидностью это проявляется в периоды революционных преобразований. В 1990-е годы в России преобладали разрушительные социальные процессы²⁷, что и вызывало ряд существенных неблагоприятных (кризисных) проблем социального развития.

Четвёртая - первенство социальной эффективности перед экономической эффективностью при сравнении вариантов дальнейшего развития и выборе варианта для реализации из числа реально возможных. Практика многих десятилетий в СССР исходила из приоритета быстрого экономического развития страны. Практика капиталистического хозяйствования выросла на принципах экономической конкуренции, то есть верховенства критерия экономической эффективности. Современная российская практика соединяет оба подхода (приоритет удвоения ВВП и государственные усилия по занижению цены труда и облегчению налоговой нагрузки на бизнес ради прибыльности). Она игнорирует мировой опыт выдвигания задач социального развития на задающие позиции.

Теория и методики организации хозяйства на основе приоритетности критериев социальной эффективности разработаны в нашей стране ещё в 1970-е годы, но остаются не востребованными до сих пор.

---

²⁷ Подробнее см. Б.В.Ракитский. Мера разрушения при революциях: теоретические подходы и практика преобразований в современной России. - В кн. “Шансы российской экономики”. М: Издательство ТЕИС. 1997. Стр.68-85.

Пятая - запрет социально недопустимого, обеспеченность свобод - социально допустимому. Это прямое следствие приоритетности социального измерения общественного и хозяйственного развития. Социально недопустимое должно исключаться из жизни общества, не допускаться в хозяйстве. Сам по себе принцип записан в Конституции Российской Федерации: “Статья 34, часть.2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию”. Почему же фактически существуют теневой и криминальный бизнес, теневой рынок труда, конкурентное давление дешёвой мигрирующей рабочей силы на российском рынке труда, массовое уклонение бизнеса от налогов? И никто не требует пресечения этих видов недобросовестной конкуренции. Никто не требует пересмотра итогов приватизации, достигнутых на основе монополии на власть. Напротив, сокращаются сроки давности по приватизационным сделкам, по налоговым преступлениям. Перманентно маячит идея **заинтересовать (!)** ведущих недобросовестную конкуренцию в выходе из тени.

Шестая - принцип социального предназначения. Этот принцип безальтернативен в организации ряда отраслей социального обслуживания. Он лежит в основе организации социального хозяйства как крупного народнохозяйственного комплекса. Принцип социального предназначения ряда отраслей вытекает из необходимости разрешить противоречие между настоятельностью удовлетворения ряда потребностей с точки зрения общества и с точки зрения индивидуальных потребительских предпочтений²⁸.

Седьмая - предотвращение социальной деградации. Речь идёт о недопустимости одичания тех или иных

---

²⁸ Теоретические основы социального хозяйства разработаны и развиты в публикациях: Б.В.Ракитский. *Общественные фонды потребления как экономическая категория*. М.: МЫСЛЬ. 1966; Б.В.Ракитский. *Социальное хозяйство*. - “Социальная политика. Толковый словарь” М.:Изд.РАГС. 2002 и др. годы; Берестова Л.И. *Докторская диссертация*. РАГС. 2005.

социальных групп или этносов в ходе неравномерного, а то и разнонаправленного социального развития. Предотвращение социальной дезинтеграции и достаточные усилия правительств по реинтеграции являются не только общепризнанной международной нормой, но и международным обязательством (например, по Копенгагенской декларации о социальном развитии, подписанной и Россией). Активная глобализация капитализма сделала проблему предотвращения социальной деградации актуальной для многих стран-доноров глобализации (включая и Россию).

Таковы основные содержательные характеристики социального развития. Из изложенного видно, сколь разнятся ныне представления о содержательной стороне социального развития.

Не в меньшей мере разнятся и представления об общественной форме социального развития. Основные разделительные линии здесь проходят таким образом. В обществе распространены представления, будто субъектом социального развития (если уж не единственным, то уж точно главным и решающим) является государство и его органы, а объектом - народ. «Профессионалы» социального дела не только берут на себя все функции обеспечения социального развития, но и не представляют себе никого, кроме самих себя, кто мог бы принимать или опровергать решения и контролировать ход этого развития. Другой подход (он тоже пока ещё есть) - демократический, исходящий из того, что общество структурно и что субъектами социального действия и социального развития могут быть и граждане, и социальные группы, и классы, и территориальные общности, и т.п. Этот подход отрицает, что общественной формой социального развития является исключительно деятельность департаментов по социальному развитию. Он полагает, что в демократическом обществе общественной формой социального развития является социальная политика.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ

ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Общественной формой практических (преобразовательных) процессов являются отношения между людьми по поводу этих процессов (по поводу их целенаправленности, способов действия, предназначения и использования результатов). Отношения возникают как следствие структурности общества и относительной обособленности потребностей, интересов и действий элементов общественной структуры в рамках целостной (социализированной общественной практики).

Устойчивыми (объективно долгосрочными) являются такие элементы общественной структуры, как социальные группы (самые большие из них - касты, сословия, классы) и социальные общности (народы, территориальные общности, корпоративные общности, семьи и др.). Взаимоотношения социальных групп и социальных общностей называется политикой. Дифференциация предметов (не объектов, а поводов активизированного интереса) взаимодействий специализирует политические взаимоотношения: есть экономическая в целом, финансовая, налоговая, бюджетная, образовательная, демографическая, культурная, энергетическая и иные политики. В этом ряду располагается и социальная политика.

Социальная политика - субъектные взаимодействия социальных групп и социальных общностей по поводу их положения в обществе, общественная форма социального развития.

Категориальный аппарат, отражающий сущность, содержание и формы осуществления социальной политики был выработан и предложен в трудах сотрудников кафедры социальной политики РАГС в 2000 г. и чуть ранее²⁹. В частности:

---

²⁹ См. Социальная политика. Учебник (Под общ. ред. Н.А.Волгина). М: 2002; Социальная политика. Толковый Словарь. М: РАГС, 2002; Б.В.Ракитский. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. - М: ИППС, 1998; Б.В.Ракитский. Концепция социальной политики для современной России. М: 2000; Гонтмахер Е.Ш. Социальная политика в России:

разработаны и предложены научные понятия “социальная политика”, “социальное положение”, “субъекты социальной политики”, “субъекты социальной политики первичные”, “субъекты-институты социальной политики”, “социальные группы”, “социальные общности”, “социальные претендентские (абитуриентские) группы”, “стратегии социальной политики”, “приоритеты социальной политики” и др.;

изучено место государства в социальной политике, выявлены его особенности как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере;

выделены основные типы состояний общества и типы социальной политики: социальная политика в социально устойчивых обществах (общественных формациях); социальная политика в обществах, находящихся в системных кризисах (революционных ситуациях); социальная политика в обществах, находящихся в состоянии деформаций (в перманентных кризисах общественной системы); социальная политика в обществах, выходящих из системного кризиса путём коренных (революционных) реформ, то есть социальная политика переходного периода; особенности социальной политики, проистекающие из включенности в процессы глобализации капитализма;

выявлены функции и основные задачи социальной политики в обществе: обеспечение социальной устойчивости (безопасности); обеспечение политической устойчивости власти; обеспечение такого распределения власти в хозяйстве (собственности), которое признавалось бы большинством справедливым; налаживание такого распределения экономических ресурсов и экономического эффекта, которая более или менее устраивает подавляющее большинство населения;

уроки 90-х. М: 2000. Выполнены в тот же период, но опубликованы позже: “Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения” Монография. - М.:КНОРУС. 2005; Ракитская Г.Я. “Социально-трудовые отношения” - М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003; и др.

обеспечение обществом и государством необходимого и достаточного уровня экологической безопасности; обеспечение обществом и государством необходимого и достаточного уровня социальной защищённости как населения в целом, так и каждой из его социальных групп;

выявлены и охарактеризованы на уровне фундаментальных разработок **основные сферы осуществления социальной политики**: социально-трудовая сфера и социальное хозяйство (крупный народнохозяйственный комплекс отраслей, имеющих специфическое социальное предназначение).

Относительно отстаёт пока что разработка проблем социальной политики в регионах и региональной социальной политики.

Перечисленные разработки заложили методологический и теоретический фундамент новых направлений и новых подходов к изучению экономических, организационно-экономических, конкретных социальных, социально-трудовых процессов, а также содержательных проблем правового регулирования хозяйственных и трудовых процессов. Подходы эти признаны ныне в научном и вузовском сообществе. Но в этом сообществе продолжают культивироваться и иные подходы. Важнейшие из них таковы:

понимание социальной политики по преимуществу как деятельности одного доминирующего субъекта - государства³⁰, - а отсюда

---

³⁰ Некоторый обзор пониманий социальной политики подобного рода содержится в учебнике ВШЭ С.Н.Смирнов и Т.Ю.Сидорина "Социальная политика" М.: 2004. Стр. 29-33. Трактовку кафедры социальной политики РАГС авторы замалчивают или игнорируют (а, может быть, просто не желают выходить за рамки примелькавшихся поверхностных определений, особенно в зарубежной литературе). Будучи приверженцами сугубо либеральных доктрин, С.Н.Смирнов и Т.Ю.Сидорина определяют социальную политику всё же как одно из направлений государственной политики (стр.36), хотя и указывают в своём определении (стр.33), что "социальная политика представляет собой совокупность принимаемых органами государственного управления, работодателями, профсоюзами и другими

сведение социальной политики к совокупности мер государства по отношению к объекту социальной политики - народу в целом или (адресно) отдельным “категориям населения”. В этом понимании не только проявляется историческая память о практике тоталитарного времени и тоталитарного государства в СССР, но и заостряется опыт нового российского государства, единолично проводившего и проводящего принудительные недемократические меры социального характера в связи с отсутствием влиятельной критической массы гражданской активности и пусть бы зачаточных, но всё же реальных институтов гражданского общества;

понимание социальной политики, делающее смысловой упор не столько на доминирующей или исключительной субъектности государства и его органов в социальной политике, сколько на совокупности мер и решений, составляющих якобы и сущность, и содержание социальной политики. Можно было бы изобличить поверхность этого понимания, спросивши, например: а чем руководствуются те, кто принимают решения и вырабатывают меры? неужели только примерами, которые подают друг другу? или всё же интересами; может быть, даже групповыми, классовыми, кастовыми, общностными? Достаточно припомнить российскую приватизацию начала 1990-х годов или самоотверженную борьбу Министра труда России Г.Г.Меликьяна против повышения МРОТ, чтобы понимание социальной политики как совокупности мер было разоблачено как не затрагивающее сущности, глубинных общественных причин. Но как быть с коллегами из либерального лагеря? Ведь они-то сознательно уводят рассмотрение сущностных и содержательных характеристик любых общественных процессов (в том числе и социальной политики) от выявления социально-групповых, классовых факторов (корней)³¹;

общественно политическими структурами (субъектами социальной политики) решений” и т.д. Нелогично, но факт.

³¹ *Призову в свидетели корректности этой констатации уважаемых в научном сообществе Вад.В.Радаева и*

понимание социальной политики, суживающее её содержание до функций департаментов по социальному развитию, по преимуществу в региональных администрациях. Это понимание хорошо описывают С.Н.Смирнов и Т.Ю.Сидорина³²: “..Любое общество состоит из экономически сильных и экономически слабых индивидуумов (домохозяйств) Инструментом, позволяющим поддерживать слабых, создавать условия для самореализации всех без исключения граждан страны, сохранять ее культурные и исторические ценности, является *социальная политика* (стр.28). Социальная политика **в узком смысле**, или собственно социальная политика, есть не что иное, как перераспределение на основе действующего законодательства финансовых ресурсов между различными социальными группами населения, отраслями народного хозяйства с использованием механизмов государственных налоговой и бюджетной систем. Однако сам процесс этого перераспределения по своему воздействию на социально-экономическую систему и

О.И.Шкаратана. В своей книге “Социальная стратификация” (М.:Наука. 1995) они великолепно показали принципиальную разницу между классовым и стратификационным подходами (см. раздел 6 главы 2 “Классы и слои в социологической теории”, автор - О.И.Шкаратан). Цитирую минимально: “Теория классов проводит разделение общества по альтернативным признакам на эксплуататоров и эксплуатируемых, на владельцев средств производства и на лишенных их, тогда как теории стратификации разделяют общество на основе одной или нескольких черт, имеющих в наличии в каждой из групп, но в различной степени (так, например, все имеют какой-то доход, но только различных размеров, и все в обществе имеют какой-то престиж, но неодинаковый).

В теории классов специфические экономические, политические и культурные интересы являются именно тем, что отделяет друг от друга классы, а в теории стратификации категория “интересы” вообще не присутствует, а если в исключительных случаях и присутствует, то не является обязательным атрибутом для социальных слоев.” (стр.39).

³² С.Н.Смирнов и Т.Ю.Сидорина “Социальная политика” М.:Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2004.

эффективность ее функционирования неоднороден. Содержание собственно социальной политики исчерпывается чисто социальными решениями и мероприятиями, связанными с поддержанием малоимущих семей (домохозяйств), а также с обеспечением развития некоммерческой, финансируемой из государственного бюджета, части социально-культурной сферы.” (стр.36-37)

Каждое из четырёх очерченных пониманий социальной политики имеет свой смысл и отражает ту или иную конкретно-историческую практику. Хотелось бы обратить внимание на преимущества той концепции (и теории) социальной политики, которая была положена в основу курса “Социальная политика” кафедрой социальной политики РАГС ещё в 2000 г. Она, во-первых, глубже и полнее рассматривает те конкретно-исторические разновидности (или сегменты) практики, которые трактуют другие три понимания социальной политики. Она, во-вторых, - и это главное! - позволяет рассматривать научно глубоко и научно полно ту конкретно-историческую практику (и социальную политику в её составе), которая может развиваться как в случае становления в России полноценного гражданского демократического общества, так и в случае осложнений, связанных с процессами глобализации и места России в них³³. Другие три понимания социальной политики, на мой взгляд, совершенно беспомощны на таком научно-практическом поприще.

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, СУЛЯЩИЕ КРУПНЫЕ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Совокупность социально-политических взаимодействий оказалась своего рода белым пятном в обществознании. В СССР исследование таких

---

³³ В этом отношении может быть небезинтересной работа “Методологические проблемы учёта факторов глобализации в изучении социально-политических процессов” - в монографии “Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения” М.: 2005

взаимодействий не осуществлялось по той причине, что тоталитарная власть не нуждается в исследованиях того, что запрещает или чем командует. После революции 1989-1991 гг. новая власть крайне нуждалась в таких исследованиях, но их заменили советы и предписания экспертов МВФ и Всемирного Банка реконструкции и развития. К тому же жёсткая деформация общественных отношений, вызванная шоковым характером революционных реформ, исказила сам возможный предмет таких изучений.

Развал общественных наук в России, превращение многих учёных в бесплодных “персон гранта”, резкое падение аттестационных требований к научной и вузовской смене, конечно, не пресекут преемственности в этих науках, но очень сильно её затрудняют. И всё же, если по старинной русской традиции верить в чудо возрождения российской гуманитарной науки, есть смысл обозначить направления исследований социально-политических отношений, сулящие крупные научные открытия.

1. Исследование социальной структуры. Фактически эти исследования надо начинать с самого начала, но не с нулевой отметки, а с той, на которую её низвели стратификационные изыскания. Теоретиками и эмпириками стратификации проделана большая работа, результаты которой могут оказаться полезными, когда будут поставлены на своё место - в контекст серьёзных исследований социальной структуры.

Что касается политико-экономических и иных исследований этой структуры в марксистской науке, то ничего серьёзного за XX век здесь не наработано. Исходное же состояние можно датировать весной 1919 года, когда В.И.Ленин попытался дать определение классов в “Великом почине”. Примерно на этом же рубеже был и М.И.Туган-Барановский. Самыми серьёзными продвижениями были за это время книги М.Джиласа “Новый класс” и М.С.Восленского “Номенклатура”. Но этого всё же маловато.

Требуется разработать теорию структурирования общества, выявить закономерности воспроизведения

социальной структуры, понять природу тенденций, приводящих к устойчивым преобразованиям социальной структуры. На этой базе - осмыслить результаты стратификационных исследований, соотнести “слоевые” перемены с глубинными, выявить природу “стирания” историей одних “слоевых” перемен и закрепления других. Это социология? Наверное. Но это не теперешняя социология с её фейерверком ситуативных измерений. Это то, что войдёт в предмет новой науки “Социальная политика”.

2. Исследования социального положения, особенно социально-группового социального положения. Капитальное приданое для таких исследований оставил основоположник социально-групповой (классовой) социологии Ф.Энгельс. Это приданое - целостная методология исследования социального положения в монографии “Положение рабочего класса в Англии” (1845). Эта методология не превзойдена до сих пор, но закреплена в разработках русских исследователей положения фабричных рабочих (конец 19 - 20 в.).

Требуется выработать теорию социального положения классов и социальных групп, определить, что является основой общности интересов корпоративных, территориальных, этнических, исторических и религиозных общностей. Требуется выявить решающие факторы социального группирования, выработать научные модели социального положения, научиться прогнозировать существенные сдвиги в социальном положении (а через это - и сдвиги в характере социального поведения). Требуется выработать теорию социальных судеб и типизировать социальные судьбы.

3. Исследование субъектного ряда социально-политических взаимодействий. До сих пор нет фундированной теории субъектов социальной политики. Гипотеза существования первичных субъектов и субъектов-представителей (институтов) нуждается в проверке и, скорее всего, в дополнениях. Для практических нужд формирования гражданского общества актуально развить теорию формирования субъектности

взаимодействий. Прогрессорские эксперименты Администрации Президента России по созданию сверх институтов гражданского общества (а до того, в 1990-е годы, создание лихих “групп захвата” и “групп прорыва” в виде одноразовых парламентских партий) убеждают в этом.

В составе исследований субъектного ряда крайне необходимо осмыслить опыт действительно массовых общественных движений в 1988 - 1991 годах и уяснить причины печальной конечной бесплодности, например, шахтёрского движения. Одновременно с этим требуется исследование реальной общественной роли “осколочных” институтов тоталитарного общества (осколки КПСС, ФНПР и др.).

4. Исследование нормальных состояний общественных и общественно-экономических процессов. Все исследования проблем социальной безопасности и социальной защищённости, по логике, базируются на исследованиях нормальных состояний. В первоочередном порядке требуется разработка фундаментальной научной категории “нормальное” применительно к экономическим, социально-экономическим и социальным процессам и явлениям (реалиям). Долгое время мы пользовались Марксовой категорией “общественно необходимое”. Но исследование общественных процессов показывает её недостаточность и даже ограниченность (в силу некоторого излишнего экономико-детерминистского компонента).

5. Исследование рисков социального происхождения. Эти исследования могут возобновиться не на пустом месте. Начиная от исследований А.Смита (а до него - и социалистов-утопистов) имеется большая традиция критики общественных порядков со стороны их неблагоприятного воздействия на жизнь людей, на нравы и т.п. Много сделано К.Марксом и его последователями. Но всё же учение о рисках социального происхождения всё ещё не превратилось в фундированное и развитое. Практическое поле применения исследовательских результатов здесь необозримое. И в первую очередь это

построение научно обоснованной и социально эффективной системы социальной защиты (общественной и государственной, конечно, а не только государственной).

6. Исследование социального хозяйства как крупного народнохозяйственного комплекса. Уже имеются разработки теоретического характера, объяснившие группирование ряда отраслей социального обслуживания в такой комплекс особенной общественно-хозяйственной функцией этих отраслей (она названа социальным предназначением и содержательно раскрыта). Но это только начало исследований. Перипетии с монетизацией льгот, с реформами ЖКХ, здравоохранения и образования, а ранее (1992) с социальным ваучером демонстрируют катастрофическое непонимание руководством страны существа процессов и явлений в социальной сфере. В результате отрасли социального хозяйства переводятся в режим функционирования любых иных отраслей рыночного хозяйства. Отсутствие достаточно глубоких исследований социального хозяйства стало одним из факторов того, что не удалось и теперь уже не удастся предотвратить развал социального хозяйства в России. Но неизбежно потребуются, выражаясь словами В.В.Путина, очередной “разбор завалов” и строительство социального хозяйства заново. Для этого и понадобятся исследования, которые пора начинать немедленно.

7. Исследование социально-трудовых отношений как ядра социальной политики. Первостепенное значение имеет здесь изучение проблем макросоциальной и микросоциальной пропорциональности. Перспективные постановки исследовательских проблем в социально-трудовой сфере содержатся в фундаментальном исследовании Г.Я. Ракитской³⁴.

8. Исследование взаимоотношений работников и работодателей. На пустом месте, то есть в стороне от реальных взаимоотношений работников и работодателей

---

³⁴ Г.Я.Ракитская. *Общая теория социально-трудовых отношений и перспективы их демократического регулирования в современной России. Диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук.* - М.: РАГС. 2003.

создана в последние годы “мыльная” литература о так называемом социальном партнёрстве. Требуется начать изучение реальных взаимоотношений. Прежде всего целесообразно выстроить теорию взаимоотношений в корпорациях (включая теорию корпоративных общностей и корпоративных интересов). Необходимо осмыслить нездоровый и нежизнеспособный опыт взаимоотношений работников и работодателей в России в последние 15 лет и особенно подходы и действия государства и корпоративных профсоюзов ФНПР в сфере формирования этих отношений. Не должны быть обойдены глубоким изучением взаимоотношения работников и работодателей в теневом и криминальном секторах хозяйства и их роль в деформации социально-трудовых отношений в стране в целом и в легальном секторе хозяйства.

9. Пристальное исследование влияние процессов глобализации капитализма на социальную политику и социально-трудовые отношения в России.

Бесплодность многих научных разработок (от темы социального государства до темы так называемого среднего класса или темы правопорядка в сфере труда) объясняется ныне излишней, недопустимой, ненаучной абстрактностью. Наши исследователи (особенно “персоны гранта”) позволяют себе абстрагироваться от геополитического места современной России, от отведённого ей места донора в процессах глобализации капитализма. А практике нужны исследования, не допускающие столь грубого просмотра.

**НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ “СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА” И ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОЙ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ “СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ”**

Вопросы преподавания учебной дисциплины “Социальная политика” иной раз поднимаются в литературе³⁵. Вопросы перспективные. По мере

---

³⁵ См., например, А.Н.Аверин. Социальная политика государства. - М.: 2002. Стр.5-6. Кстати, автор пишет “На наш взгляд,

формирования в России гражданского демократического общества вопросы эти актуализируются и перерастут в проблемы. Для ряда родов занятий и профессий (для государственной и муниципальной службы, для профессиональной политической, профсоюзной и общественной деятельности) социальная политика станет профильной учебной дисциплиной, опирающейся на молодую отрасль обществознания под названием “социальная политика”. Но знания о социально-политических взаимодействиях в гражданском демократическом обществе понадобятся большинству граждан, наверное, в неменьшей мере, чем знания о парламентской демократии. Притом понадобятся не с момента установления развитого гражданского общества, а с момента реального его развития усилиями и снизу, и сверху. Так что социальная политика, скорее всего, будет преподаваться как учебная дисциплина уже в средней школе. Полагаю, что случиться это может в ближайшие 5-10 лет.

Порыв к преподаванию социальной политики не станет прорывом и не оставит практического следа в образовании, если за дело возьмутся инстанции, круто попортившие программы гуманитарных дисциплин в последние 15 лет. Те самые инстанции, которые в благодарность за иностранные гранты вытравили политическую экономию из программы даже экономических факультетов университетов. Видимо, у политэкономии, на их взгляд, не оказалось самостоятельного предмета - в отличие от “Economics”. Не случилось бы так и с

преподавание социальной политики имеет специфику, которая проявляется в том, что данная учебная дисциплина не является наукой, имеющей самостоятельный предмет исследования”(с.5). Предмет и вправду ещё вызревает. Но всё же... неужели не видно? “Понедельник начинается в субботу”: “-Это Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства. Ну что же ты стал? Загоняй машину! - Куда?- спросил я. - Ну неужели ты не видишь? - И я увидел.”

О предмете социальной политики как науки см. “Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения”. Монография. - М.: 2005 Стр.68-69.

социальной политикой, не подменили бы её стратификацией и прочими подобными прагматическими ценностями!

Надо признать, что отечественные наши программы и учебники по социальной политике - это пока что продукты первой выпечки. Это действительно (прав А.Н.Аверин!) пока что комбинация обществоведческих знаний без глубокого чувства и без должного обоснования собственного предмета науки. Мы теряем год за годом, не продвигаясь вперёд ни в программировании, ни в методической работе, ни в совершенствовании учебных пособий и учебников. Инициативные и лидерские позиции кафедры РАГС истощаются. Не досидеться бы до ситуации, когда придётся либо штурмовать и демонстрировать ударничество, либо перейти на преподавание предмета пошиба “Economic” - каких-нибудь аппаратных технологий социального развития или прагматической стратификации. Хотелось бы всё же развить социальную политику как учебную дисциплину на уровне европейской университетской культуры, а не на уровне американской прагматики или ликбеза для колониальной администрации.

Что касается развития социальной политики как науки, то ей теперь уже негде развиваться в России, кроме как в вузах. Академическая общественная наука в нашей стране состарилась и, в основном, скончалась. И вряд ли может быть восстановлена. Увы! Но в вузах восстановление и развитие возможно. Только важно выбрать верную стратегию и манеру восстановления и развития. Это - большая тема и (при востребованности) серьёзный разговор, серьёзная общественная дискуссия даже. Пока же достаточно обозначить два аспекта:

- дело не может обойтись без профессиональных фундаментальных исследований и без развития научных школ³⁶;

---

³⁶ *Самое удивительное в современных российских вузах - представление о научной школе. Почему-то считается, что признак научной школы - это написание и издание нескольких учебников и монографий сотрудниками одной и той же кафедры (при этом особенно здорово, если под руководством*

- дело не может обойтись без корректировки “Паспорта специальностей ВАК (экономические науки)”.

В действующем паспорте специальностей в специальности “5. Экономика труда” содержатся пять рубрик (от 8.12 до 8.16), вполне могущих составить содержание самостоятельной специальности. Будет ли эта специальность экономической или не только экономической, - это зависит от того, будет ли ВАК по-прежнему стремиться дробить науки и отгораживать специальности³⁷ резкими границами или же признает, что, как и реальная жизнь, науки и специальности не имеют резких границ.

ВАКовскую специальность “Социальная политика” с самостоятельным развёрнутым паспортом следовало бы “пробить”, не дожидаясь очередной кампании паспортизации. Потому что необходимо заложить для начала до сотни кандидатских и десятка три докторских исследований именно по социально-политической проблематике. Без этого новая поросль зачинателей свежей науки не образуется.

Мы живём теперь в такой стране, где не требуется указаний и разрешений сверху развивать новые отрасли знаний и вводить в учебные программы их преподавание.

авторитетного заведующего). Блажен, кто верует! Будем ли разочаровывать, будем ли напоминать, что научная школа - это не всегда новые книги и статьи, но всегда новый живой росток на древе познания - новая методология? Намекнём ли, что новая артель - редко когда новая научная школа?

³⁷ Вот пример. Формула специальности 08.00.05, куда относится, в-восьмых, “Экономика труда”, устанавливает “разграничительный признак специальности 08.00.05 по отношению к другим экономическим специальностям”. Им “является изучение экономических систем исключительно в качестве объектов управления” и “исключительно в управленческом аспекте”. Назовите хотя бы какой-нибудь тип организации труда, где труд был бы только объектом управления. Если Вы назовёте труд рабов на плантациях или труд зэков на зоне в ГУЛАГе, то и это я берусь оспорить как явную натяжку.

Нет цензуры. Нет сверху судей, определяющих, что есть истина и что есть ошибка или даже ревизионизм. Как никогда прежде многое в науке и в образовании зависит от нас, от научного и вузовского сообщества. Так чего же мы ждём? Почему бы не сосредоточиться на перспективном и не перестать буксовать, топтаться почти что на месте?

Ноябрь 2005

Библиотека обществознания большинства

Джилас Милован

Новый класс – В книге: Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М.: Новости. 1992. Стр. 161-360.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918-1960. Под ред. А.Н.Яковлева. Составители А.И.Кокурин, Н.В.Пет-ров. – М.: Международный фонд «Демократия». 2002. 888 с. – (Россия. XX век. Документы)

Восленский Михаил Сергеевич

Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. /Предисловие Милована Джиласа/ - Лондон. ОРІ. 1984. 556 с.

СОДЕРЖАНИЕ выпуска № 3

Б.В.РАКИТСКИЙ

ПРАКТИЦИЗМ И УТОПИЗМ ТЕЙЛОРИЗМА

(место идеологии и практики тейлоризма

в развитии общественной организации труда) 3

МОТИВИРОВКА 3

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ТЕЙЛОРИЗМА.....4

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕЙЛОРИЗМА 7

ПОТРЕБНОСТЬ ВРЕМЕНИ, НА КОТОРУЮ

ОТВЕТИЛ ТЕЙЛОРИЗМ 10

“ВЫЗОВ ТЕЙЛОРА” И ЕГО РОССИЙСКОЕ ЭХО 14

ТЕЙЛОРОВЫ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ (В ОБЩЕМ ПЛАНЕ).....	19
“ГРОМАДНЫЕ ВЫГОДЫ РЕШИТЕЛЬНО ДЛЯ ВСЕХ”... 22	22
ВОЗМОЖНО ЛИ “В ЦЕЛОМ” ТО, ЧТО ВОЗМОЖНО “В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ЧАСТИ”?.....	24
СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ И ИНТЕРЕСЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ВСЕОБЩЕМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЕЙЛОРИЗМА	28
“ПРИХОДИТ ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА”	32
КВАЛИФИЦИРОВАТЬ ДЕЯНИЯ ТЕЙЛОРИЗМА КАК НЕВИДАННУЮ ИНТЕНСИФИКАЦИЮ ТРУДА – НЕ СОВСЕМ ПРАВОМЕРНО. «БЕЛОЕ ПЯТНО» В ОСМЫ- СЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕЙЛОРИЗМА	36
НАДО ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЁД – К СОЗДАНИЮ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ...	45
ТЕЙЛОР И ТЕЙЛОРИЗМ – ГЕРОИ АНТИУТОПИИ	46
НАУЧНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ОТНОШЕНИЕ ОРГАНИЗАТОРА ТРУДА К ТРУДЯЩЕМУСЯ	48

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ Пражской весны 1968 года

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЛОВ, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим	53
Некоторые пояснения	61

Б.В.РАКИТСКИЙ ВЫЗРЕВАНИЕ ПРЕДМЕТА

Становление научного видения социальной проблематики и развитие теории социальной политики	64
---	-----------

- Общеизвестное	64
- Социальное как предмет практического и познавательного интереса	66
- Социальное развитие: содержание процесса и его общественная форма	71
- Социальная политика как общественная форма социального развития	79
- Направления исследований социально- политических взаимодействий, сулящие крупные научные открытия	85
- Назревшие проблемы совершенствования преподавания дисциплины “социальная политика” и формирования научной специальности “социальная политика и социальное развитие”	90

<u>Библиотека обществознания большинства</u> (библиографический указатель)	63, 93
---	--------

ПРАВИЛА

Представления материалов и их публикации В периодическом издании «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»	52
---	----